

АЛЕКСЕЙ КОЗЛОВСКИЙ

ЗОЛОТАЯ ПЕТЛЯ КЫЗЫРГАНА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Алексей Козловский

Золотая петля Кызыргана

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)

Козловский А. Д.

Золотая петля Кызыргана / А. Д. Козловский — «ВЕЧЕ»,
2026 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-5804-0

В погоне за ускользящим богатством двое друзей вновь отправляются за золотом, сокрытым, по их догадкам, в склепе белого монаха возле древнего скита. Охотники за сокровищами невольно тревожат дух усопшего старца, оказываясь между жизнью и смертью и становясь пленниками мистического золотого капкана. Эта книга — продолжение истории, начатой романами «Капкан» и «Капкан захлопнулся».

УДК 821.161.1-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5804-0

© Козловский А. Д., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Часть 1	6
Глава 1. Неожиданная встреча	6
Глава 2. Пойди туда, не знаю куда...	10
Глава 3. Старцев берётся за дело	14
Глава 4. Ближе к делу	17
Глава 5. И снова Старцев	19
Глава 6. Конец тихой жизни	21
Глава 7. На дальних подступах	23
Глава 8. Нежданные гости	27
Глава 9. Новый поворот	34
Часть 2	38
Глава 1. Дорога на абазу	38
Глава 2. Ломится сквозь тайгу	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Алексей Козловский

Золотая петля Кызыргана

© Козловский А. Д., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

* * *

*Не хочешь быть жертвой,
Не веди себя, как жертва.
Народная мудрость*

Часть 1

Глава 1. Неожиданная встреча

– Ты чего это фейс воротишь, своих узнавать перестал? – Потрёпанный жизнью мужчина лет сорока насмешливо посмотрел на Андрея, и тому стало неловко. Всё-таки собкор «Енисея» Герман Старцев, а это был именно он, некогда числился у Ветлицкого едва ли не самым близким, хотя и не совсем надёжным, другом.

– Ничего я не ворочу. – Тот, к кому так неуважительно обратился Старцев, слегка растерялся. Вот кого никак не ожидал встретить на крыльце ломбарда бывший учитель из Отрадного.

– Никак баксы закончились, – продолжал ёрничать собкор, – а с виду такой важный и прикид, как у «нового русского».

– Прикид как прикид. Сейчас все так одеваются, – скривился Ветлицкий. – Ты сам-то: «Как денди лондонский одет...» – процитировал из «Онегина» бывший школьный учитель, – только по ломбардам околачиваешься.

– Жена бабкин кофейный сервиз сдавала, просила узнать.

– И как?

– Не продали ещё. Видать, немного в нашем городе любителей из чужих сервизов кофе пить. Ты что, ещё со школой не завязал?

– Да нет, в школе бываю только по необходимости, репетиторством подрабатываю, так что надо держаться на уровне, а то родители моих школяров посмотрят да и не пожелают иметь дело с нищесбродом.

Старцев делано зевнул, кажется, ему не очень-то интересен был ни к чему не обязывающий трёп с бывшим товарищем по таёжным похождениям за чужими схоронками.

– Пойду я, Ветла. Тебя где теперь искать?

– А зачем меня искать? – в свою очередь поинтересовался Ветлицкий.

– Ну мало ли, всё-таки старый друг лучше новых двух. Давай номер телефона, да у тебя и «сотик» продвинутый. Что-то ты темнишь, Ветла?

– Да нет, это за репетиторство один богатенький Буратино подогнал.

Обменялись номерами телефонов и Старцев быстро юркнул в проходной двор. «Наверное, так и горбатится в своём «Енисее», – подумал Ветлицкий. – Не очень-то разговорился, хотя Старче любит потрепаться, а тут как ветром сдуло».

Город ко времени встречи двух некогда бывших авантюристов уже стряхнул с себя ночное оцепенение и утреннюю суматоху: кто был занят на работе – работал, кто числился в студентах – обосновался в аудиториях, мамочки отвели своих детей в садики, и только он, Ветлицкий, свободный художник и репетитор, слегка ошарашенный встречей, не мог припомнить, какой у него был план на сегодняшний день.

«Что за невезуха, это надо же было с утра встретить, да не кого-нибудь, а этого делового Старцева, пожалуй, почище, чем бабу с пустыми ведрами», – с досадой подумал Ветлицкий, направляясь в Дом творчества, начисто забыв, зачем ему понадобился ломбард.

В отделении Союза писателей при этом Доме было немногочисленно. Председательница, правда, была на месте и восседала за колченогим столом. Она в задумчивости потягивала сигаретку и на вошедшего посмотрела, как на пустое место, если бы не два начинающих литератора, то вроде и разговаривать было не с кем.

Ребята принесли несколько жестянок баночного пива и выставили их на стол, как бы приглашая не то с утра опохмелиться, не то начать деловой день, с не совсем безалкогольного

напитка. Чувствовалось, что с последним у них дело вытанцовывается намного лучше, чем с занятием литературой.

– Уберите эту гадость в холодильник. – Мира Нестеровна поморщилась. – Не с того конца заходите, господа хорошие.

– Да мы просто, – застеснялись парни. – В «Угловом» пиво появилось, вот и затарились.

– Уже поверила, что-то оно в последнее время стало часто там появляться. Вот берите пример с Ветлицкого, перед ним ничего подобного, да ещё часто, не является, а всё почему? Да потому, что сей литературный муж делом занят, а не вдохновения ожидает, как некоторые.

Парни убрали жестянки с пивом в холодильник и потянулись за сигаретами на столе у председательницы.

– Опять на халяву? – Кумаева покачала головой. – Нет, львов толстых из вас точно не получится.

– Да что Толстому, он богатый был, Мирра Нестеровна. – Тот, что поплотнее, Сергей, успел затянуться взятой со стола председательницы сигаретой. – Притом на него Софья Андреевна пахала. Говорят, по шестнадцать раз фрагменты рукописей перепечатывала... даром.

– Тебе бы, Сергей, такую тещу. Шестнадцать фрагментов перепечатала подбором – и повестушка готова, тридцать два – уже и роман.

Тот, кого Мирра назвала Сергеем, самодовольно похмыкивая, развалился в кресле подле начальственного стола.

– Я поэт, у меня от этих романов головокружение.

– А у меня от твоих опусов, полагаешь, просветление в голове наступает, и как это ты ухитришься такую ахинею сочинять?

– Тоже скажете, у меня свой метод, Мирра Нестеровна. Вот, к примеру, беру я рубаи Омара Хайяма, перевожу их на хакасский, а потом обратно с хакаского на русский. Вот вам и оригинальное прочтение, но уже пропущенное через себя.

Ветлицкий, которому уже стал надоедать подобный трёп, засобирался уходить, но Кумаева кивнула одному из пришедших:

– Ладно, доставайте презент, наверное, теперь ваше пойло остыло?

Ребята засуетились, и уже через минуту все дружно посасывали принесённое начинающими литераторами фирменное пиво.

– Ты, Сергей, с Омаром, нашим, Хайямом, здорово придумал и здесь, надо заметить, у тебя поле деятельности – непочатый край.

– Да нет, Мирра Нестеровна, просто эксперимент небольшой, люди верят такому подходу к делу.

– Верят потому, что ты с печатанием своих опусов не дальше районной газетки продвинулся, а дойдёшь до республики и прослывёшь как плагиатор. Учти, отмазывать я такого новатора не стану.

Председательница допила пиво и постучала пустой баночкой по столу:

– Ладно, пора за работу. – И после ухода новоявленных бобчинского и добчинского обратилась к Ветлицкому:

– Я тебе идейку подбросить хочу, только придётся в прозаики переквалифицироваться. Тема вполне годящая. Это не лирические финтиклюшки, сейчас на стихах бобра не убьёшь. Идея на целый роман потянет.

– Да я, Мирра Нестеровна, для большого полотна ещё не созрел как-то.

– Полагаю, что уже перезрел. Шолохов в свои двадцать три «Тихий Дон» замутил. Да и какой роман – целая энциклопедия казачьей жизни!

– То-то по сей день спорят – он или не он создатель этакой эпопеи.

– Как бы там ни было, а роман-то живёт... «Нобелевку» автору обеспечил, а через это всех своих наследников ещё долго кормить будет.

– То Шолохов...

– Да тебя никто под него и не подгоняет, просто пора делом заниматься, а не только для своей новой жёнушки мадригалы сочинять. Кстати, она всё так же кормит ваше величество?

– Зачем кормить, я и сам на репетиторстве не меньше неё получаю.

– Налоги, конечно, не платишь, и трудовая книжка у тебя дома «в шкапчике», а не в отделе кадров вашего РОНО? На пенсию выйдешь – по «минималке» будешь получать? Да-да, по ней, родимой, так что, как говорили древние римляне: «Лови момент», «Карте диэм», кажется.

– Мне с римлянами не тягаться.

– Так и я о том же, мотай на ус, несчастный ты мой, а теперь о деле; есть такая контора «Золотой пояс», и заведует ею мой хороший знакомый Григорий Сапрыкин, бывший секретарь вашего Отраденского райкома комсомола.

– Предлагаете золото мыть начинать, Мирра Нестеровна?

– Допустим для такого дела ты жидковат, а вот побеседовать тебе с ним не мешает. Даю наколку; у того времени на тебя лишнего нет, зато Гриша кое-что присоветовать может, на ум наставить, возможно, и тему для твоих изысков подкинет. Появится тема, считай, золотая жила. Гонорары косяком пойдут. Не будешь случайные баночки с пивом обсасывать, а сам народ коньяком поить станешь. Уяснил? Конечно, Гришкина «контора» полулегальная, тоже налоги, случается, зажимает от государства, зато сам он с головой. Одним из первых комсоров сообразил, что хватит за портретами Ильича скрываться и под руководством нашей вечно нерушимой коммунистической партии к коммунизму ходить. Тогда многие ребята с головой в коммерцию ударились, только торговля торговле рознь, можно с баулами в Китай и обратно пупок надрывать и рэкетирам отступного отстёгивать, а можно, как Григорий Семёнович, свою жилу найти. У него она, кстати, зо-ло-та-я. Понял? Мы хоть на рэкетиров не тянем, но пару тысконок на сборник стишат твоих нетленных сдёрнуть можно. Так что действуй, не привыкай казённые деньги у Минкульта кланчить, сам пошевеливайся.

– Да у меня с Минкультом непонятка какая-то складывается. Сколько я к этой Ветлугиной ни обращался, не отказывает, но и ещё ни одного обещания не выполнила.

– А если поконкретней?

– Мы с нашими отраденскими следопытами «Летопись Великого подвига» собрали, всех ветеранов Великой Отечественной обошли, рисунки из их военных эпизодов создали, это ещё к 40-летию Победы... Я к ней, она не против, только воз и поныне там, теперь уже и в живых-то из солдат той войны единицы остались.

– Так вы собирались отдельным альбомом издать?

– Собирались...

– Возможно, у них денег и в самом деле нет на ваш фолиант. Это дело надо обмозговать, а ты к своей администрации в Отрадном обращался? Они кровно заинтересованы.

– У них там чехарда в кадрах. На «Летопись...» денег нет, а паровозик им спонсоры из чёрного мрамора на пьедестале возле «Универсама» воздвигли.

– Ну-ка, поподробней. Вот и тряси своего главу, пусть раскошеляется, если на паровоз деньги нашлись – и на вашу «Летопись» найдёт.

– Не найдёт, он сейчас под арестом второй год сидит, я не в курсе, за что, но... – Ветлицкий вздохнул.

– Так он у вас дальновидный малый.

– В смысле?

– Паровоз у вас, как символ. Помнишь, Никулин в фильме Гайдая пел: «Постой, паровоз, не стучите колёса...» – Дошло, так что твори, выдумывай, пробуй, некогда мне в ваши отраденские делишки вникать, да и тебе давно уже пора делом заняться, господин поэт.

Мирра Нестеровна снова потянулась за сигаретой, а некурящий «господин поэт» нехотя покинул Дом творчества.

Дома Ветлицкий поделился «наколкой» от Мирры Нестеровны с женой. Валентина, почувствовав, что от всей этой затеи изрядно пахнет авантюрой, только покачала головой.

– Андрей, тебе уже четвёртый десяток пошёл, а ты всё ещё не повзрослел. Сам-то хоть представление имеешь о предмете этого романа, времени сколько пройдёт, пока напишешь да пока на издателя выйдешь. Здесь ещё бабушка надвое сказала, что печатать твои сочинения возьмутся.

– Не возьмутся, так пусть лежат. Рукописи, как говорил Булгаков, не горят. Тебе-то, преподавателю литературы, это должно быть хорошо известно.

– Делай как знаешь, – махнула рукой жена. – Только кажется мне, что пошлёт тебя этот Сапрыкин куда подальше.

– Ну, пошлёт, так пошлёт, а может, и материальчика о деятельности своих старателей подкинет. До Магинска пара десятков километров, выберу день и смотаюсь. Тем более Мирра Нестеровна обещала ему позвонить насчёт моей персоны, так что не выгонит, а выгонит, так на нём свет клином не сошёлся.

Глава 2. Пойди туда, не знаю куда...

Магинск – городишко так себе. Когда-то у него была перспектива к развитию, но тамошние купцы пожадничали и прикрыли финансирование второго моста через Енисей. Вот и пошла железнодорожная ветка по левобережью реки, рядом с городом... да тогда там и города-то никакого не было, просто станция Абазинская, через которую путь этот самый, железный, выходил на Красногорск, то есть на Транссиб. Станция развивалась, получив хорошего тычка от зарождавшегося вокруг капитализма, а Магинск окончательно зачах. Вот этот-то Богом забытый уголок Сибири и облюбовал для своей конторы один из «новых русских» Г. Н. Сапрыкин, а по-простому – Гришка Сапрыкин – «золотодобытчик». Его фирма «Золотой пояс» не только по югу Красногорского края, но и соседней республики свои шупальца распустила. Золотишко гребла, а таёжные речки с хрустальной чистой водой превращала в ржаво-мутные потоки, таёжный ландшафт захламляла и уродовала, зато доход старатели имели немалый.

Гришкина контора размещалась почти в центре Магинска. С западной стороны сквер с памятником вождю мирового пролетариата во весь рост, лицом к зданию городской администрации, в отличие от красногорского изваяния Ильичу, который отвернулся от этой самой администрации и смотрел куда-то за Енисей. Андрею было хорошо знакомо строение, где теперь располагался сапрыкинский офис. Прежде здесь была обувная фабрика, которая снабжала горожан добротной кожаной обувью из местных материалов, но в перестроечные времена рынок сделал своё чёрное дело, заполонив магазины и рынки дешёвым китайским ширпотребом. Фабрика разорилась, станки сдали в металлолом, всё тем же китайцам, а помещения фабрики после небольшой переделки выкупила фирма «Золотого пояса».

Контора находилась в глубине двора, за высокой оградой, и наш литератор в недоумении прошёлся несколько раз туда-сюда мимо запертых ворот, пока не заметил на столбе у калитки кнопку электрического звонка. На его сигналы незамедлительно среагировал охранник, предварительно внимательно оглядев позвонившего с головы до пят, словно намереваясь с того снять мерку.

– Ты кто? – спросил он звонившего.

– Я Ветлицкий. Вам обо мне должны были сообщить.

Охранник явно не торопился, хотя чересчур секретного в этой столь надёжно охраняемой конторе было мало, и Андрей уже успел пожалеть, что внял совету Мирры Нестеровны. «Ничего, здесь в Абазинск автобусы через двадцать минут ходят, до остановки рукой подать, на обратном пути можно и в Спасский собор заглянуть», – благо там служит давнишний знакомый Андрея, отец Сергей. С ним Ветлицкий познакомился тоже через литературу. В отличие от всё ещё подающего надежды поэта, отец Сергей печатался в столичных изданиях, и, как писали тамошние критики, его стихи стали «одной из самых неожиданных новаций в сегодняшней русской поэзии. Осуществлённый в них синтез «религиозного» и «авангардного», «провинциального» и «всемирного» значительно менял самосознание современного человека».

Провинциальность и религиозность у отца Сергея понятна, хотя сам священнослужитель был родом из Красногорска. Ветлицкий неоднократно бывал на родине Сергея, закончил в своё время там педагогический институт и даже вырос почти в такой же провинциальной и слегка религиозной среде, где о Боге всегда помнили, хранили иконы в красных углах, по возможности постились, а бабушки не забывали про церковь, и не только по большим праздникам. Непонятно было, откуда священник местного собора успел набраться авангарда и широты всемирных взглядов в их захолустье?

Наконец охранник вылез из проходной и отпер калитку. Он ещё раз недоверчиво оглядел с головы до пят неожиданного посетителя и лениво бросил:

– Иди через двор, а там на втором этаже кабинет хозяина. Да сильно-то не рассусоливай, хотя Николаевич и сам турнуть может, если надоешь. Ходят тут всякие... просители. Думают, если в артели золото моют, так они его лопатой гребут? Держи карман шире, я, к примеру, совсем забыл, когда зарплату полностью получал от шефа.

Последнее замечание Андрей пропустил мимо ушей и, уже поднимаясь по лестнице на второй этаж крепкого кирпичного здания, а в городишке этом всё что было из кирпича – бывшие купеческие особняки, подумал: «И зачем только большевики революцию делали, что прежние хозяева – толстосумы, что нынешние – всё едино, в каменных хоромах обитают? Вот слева от центрального сквера вообще трёхэтажное здание купца Мойши Вильнера, как его обозвали местные острословы: «Наш сибирский Зимний дворец...» – пока этак то соображал, очутился как раз перед ладно оббитой каким-то непонятным, добротным материалом дверью с табличкой, указывающей фамилию и должность владельца.

Ветлицкий не заметил, была ли здесь поблизости секретарша или не было. От волнения в голове всё перепуталось, так и завалил в кабинет, даже не постучался. Встретил нашего не то что просителя, но соискателя каких-то благ, мужчина, ещё не старь, но уже и не молодой, чернявый и весь какой-то ладный, подтянутый и с хорошей такой улыбкой, что было довольно-таки странно для человека его полномочий и положения, а то, что птица была не рядового полёта, говорил за него малоприметный депутатский значок на лацкане малинового пиджака.

– Так это ты наше будущее родной литературы? – усмехнулся хозяин кабинета, протягивая руку посетителю. – Будем знакомы, Сапрыкин Григорий, а ты, значит, Андрей Ветлицкий? О тебе ваша председательница мне говорила, правда, по телефону, а не мешало бы и лично, давно не общались. Я ведь тоже в юности стишатами баловался. Знаешь, это когда к девчонкам подкатываешься, типа:

Я был, конечно, врать мастак,
Когда к девчонкам клеился...

Он улыбнулся, посчитав нужным закончить свой давнишний опус:

Теперь другая молодёжь,
Девчонки все с понятием,
Иная жизнь, иная ложь,
И врать необязательно...

– Ваши стихи? – только и нашёлся Ветлицкий.
– Мои, не обращай внимания. Опыты давней юности.
– Нет, почему же. Стихи хорошие. Бывает, что и по одной строчке можно судить о способностях написавшего.

– Судить будут не здесь и не сейчас, – почему-то грустно усмехнулся Сапрыкин. Скорее всего, он уже не раз подумывал о том, как решится его судьба.

– «Есть Божий суд...» – неожиданно ляпнул Андрей, навверное, вспомнив своего приятеля из Спасского собора.

– Именно, Божий. Ладно, тебе сколько на сборник стихов надо? Тысяч шестьдесят хватит?

– Мне тут ваш мэр сто пообещал, – неожиданно позволил себе втянуться в торг расхрабренный поэт.

– Хмуров Виктор Петрович? – Хозяин кабинета усмехнулся. – И рубля не даст, на спор. Вот увидишь.

– Да нет, Мирра Нестеровна говорила, что я могу с вашими золотодобытчиками пообщаться, фактурой напитаться.

– Ах, фактурой. Так с этого надо было и начинать. Тут недавно у меня один из вашей республики был, собкор «Енисея», некто Герман Старцев, дотошный, надо сказать, писатель, часа два меня мурыжил, потом чуть ли не сутки я его по своим объектам катал, «Золотой значок» от нашей фирмы пришлось подарить, еле откупился.

Непонятно, шутил или на полном серьёзе вёл разговор гендиректор «Золотого пояса», зато со Старцевым всё было ясно, от его хватки не так просто освободиться.

– Германа я знаю.

– Тем более и ездить никуда не надо, редакция «Енисея», насколько я понимаю, в Абазинске?

– В нём самом.

– Так о чём разговор? Собкор этот – мужик с головой, явно очерк собрался написать, а то и целую серию. Вот и срисуешь с них готовенький материал. Мы действуем на полном законном основании, правда, и мусорных шарашек вокруг хватает. Налетят, напакостят, тайгу разграбят, речки замутят – и поминай, как знаешь, а тайга большая, за всеми не уследишь. Да мы не Роснадзор, чтобы порядки в здешних лесах наводить, хотя я когда в комсомоле работа, да Мирра тебе, наверное, всё уже расписала про наших и ваших, так вот в комсомоле всё на энтузиазме держалось. Там денег больших не надо было, а только бросишь клич: «Даёшь Магнитку!» – И прочтя сомнение на лице просителя насчёт Магнитки, слегка смутился: – Я про Магнитку тебе для полноты образа, наша Магнитка – это турнепс и морковь на полях, ещё молодёжь на сахман отправляли. Ты когда-нибудь сахманил?

– Впервые слышу такое слово, я по другому поводу к вам пришёл.

– Знаю, материала о старателях у тебя мало, так это к Старцеву, он дотошный тип, достал меня своими расспросами, а «сахман» – когда за ягнятами после окота овец ухаживали, подсос и чтоб землю вместе с травой не грызли. Ну да, где тебе, ты небось городской пацан?

– Я, вообще-то, под Магинском родился, в деревне, где мой отец председателем колхоза работал.

– Уже лучше, ведь смотри-ка, колхозник, а в писатели выбился. – Хозяин кабинета удивлённо поднял бровь, вроде бы литераторы должны были быть только городские жители. Такой подход к своему крестьянскому происхождению обидел Ветлицкого, и он полез, как говорится, в пузырь.

– У меня отец – фронтовик, после ранения у самого знаменитого хирурга Войно-Ясенецкого в Красногорске, в госпитале 1515 лечился, а когда председательствовал, то Героя Социалистического Труда получил, в самые голодные годы такие урожаи его колхоз давал, что, может, и ваши родители выжили благодаря отцовскому хлебу.

– Ну, мои-то на шахте уголёк рубали, тоже тебе ни хухры-мухры, так что можешь нос не задирать. Ладно, некогда мне с вами тут рассусоливать, до скорого. Я на вахту позвоню, чтоб тебя без досмотра выпустили.

«Бойтесь, что со слитком золотым выйду или золотого песка в карман насыплю?» – хотел сострить Андрей, но сдержался и молча покинул кабинет. Правда, позвонить на проходную владелец «Золотого пояса» так и не позвонил, и хмурый охранник добросовестно поводел по бокам посетителя какой-то металлической штучкой.

– Проходи, – буркнул он напоследок, и Ветлицкий с облегчением покинул недружественную территорию сапрыкинской фирмы.

«Вот Герман, – по дороге домой, сидя в маршрутном такси и вглядываясь в мутноватую воду здешней протоки Енисея, соображал Андрей, – к Сапрыкину подкатил, меня поучать взялся, а может, Гришка его против этих левых золотодобытчиков настраивал, мол, брако-

ньеры чистой воды, хотя явно недоговаривал что-то, хотя, как и всякий многодетный отец, Старцев всегда испытывал нужду в деньгах. Опять какую-нибудь авантюру задумал?»

Глава 3. Старцев берётся за дело

И точно, дня через два после поездки в Магинск позвонил Герман. Ветлицкий только что закончил консультировать очередного шалопаю.

– Слушай, Ветла, надо бы встретиться.

– Когда?

– А когда тебе удобнее. Можно и в редакции, да светиться вместе не стоит, начнутся распросы, подозрения. У нас теперь почти все сменились, да, Лина Фёдоровна, ответсекретарь, умерла. Душевная была женщина, к тебе-то явно благоволила и перед Солодовниковым выгораживала, даже когда он сказал, что сверху ему намекнули, мол, ни к чему нам из Ветлицкого классика делать... Да ты слушаешь меня, Ветла, или как?

– Или как? Слушаю, что ты мне стрелку забиваешь и в редакции светиться не стоит, конспирацию фиговую блюдёшь.

– Ты прав, давай в «Айре».

– В «Айре», так в «Айре».

– Тогда после обеденного перерыва. Как раз народ схлынет.

«Айра» учителю не понравилась. В ней и был-то он всего два раза, оба со своей первой женой Людой, которая погибла в стычке с охранниками бизнесмена Левашова, а проще – обыкновенными бандитами, зато от редакции, где служил Старцев, совсем рядом.

Когда Ветлицкий пришёл в кафе, собкор уже был там и призывно помахал ему рукой.

– Я тут заказал кое-что. Да ты не суетись, счёт уже оплачен.

– Понятно, так и предполагал, что ты, Герман, не совсем ещё поиздержался, если действуешь так напористо и стрелки забиваешь не в самом дешёвом месте или за бабушкин сервиз в ломбарде деньги получил?

– Ладно, кончай, Ветла, на мне оттачивать своё остроумие. Просто давно не встречались, так почему бы не посидеть без напряжения?

– Ох, что-то ты, старче, запел с утра необычно?

– Во-первых, как же с утра, если сейчас полтретьего, а во-вторых, где здесь необычность?

– У тебя, Гера, любое коленце необычно. Хоть так поверни, хоть этак, всё приключения Неуловимых наблюдаются.

– Сердишься на меня, всё делёжку монет из «коняевского» схрона забыть не можешь. Так сам и виноват, кто тебя силком заставлял с родственником физрука добытым делиться? Сам же и попёрся с червонцами этими, а что куш получился не бог весть какой, так рот разевать не надо. Сейчас эпоха развивающегося капитализма, кто успел, тот два съел, понятно я объясняю?

Произнося эту речь, собкор «Енисея» постоянно озирался, опять входил в роль советского разведчика в тылу врага. И как это у него получалось ловко, ненавязчиво, хотелось даже в ладоши похлопать: «Браво, Герман!», такой талант пропадает, то в прошлых походах камни с тропы пускал, то вальком для шелушения шишек от несуществующих злодеев отбивался, то из ружья палил в темноту, но Ветлицкий смолчал. Кто его, этого журналюгу, поймёт? И чтоб окончательно не лишать собеседника возможности валять Ваньку, Андрей, не приступая к трапезе, с ходу брякнул:

– Я знаю, что ты у Сапрыкина подвизался, чего опять вынюхивал?

– Вот-вот, да ты кушай. Небось харч в школьной столовке не очень, чтобы очень, или теперь только дома питаешься?

– А это как придётся, двигай ближе к делу.

– Можно и ближе, только давай по-быстрому закончим с едой и покалякаем о делах наших скорбных на свежем воздухе.

Герман как надвинул на своё широкоскулое лицо маску таинственной непроницаемости, так и не пожелал от неё освободиться. Мастер эпатажных колонок в своей газете, он не мог там развернуться в полную силу, редактор ограничивал, да и площадь «Енисей» не позволяла, хотя по статусу «Енисей» был республиканской газетой.

– А ты, Гера, ничуть не меняешься и от манеры своей дурацкой из мухи слона делать совсем не избавился. – Наворачивая жаркое из свинины, полуголодный учитель старался вызвать собеседника на откровенность, но тот вроде бы и не собирался сразу раскрывать свои планы.

– Жизнь заставляет держать нос по ветру, – всё-таки не удержался собкор. – Пошли на лоно природы.

Ветлицкому было слегка жаль так и недоеденного дармового обеда, но любопытство пересилило чувство голода, и Андрей, уже дожёвывая на ходу, мысленно проклинал себя, что позволяет Старцеву опять втянуть себя в какое-то подозрительное предприятие, хотя в душе он надеялся, что все соборовские химеры – простой блеф, ко всему выходило, что к Сапрыкину наш литератор съездил зря. С таким же успехом он мог навестить мэра Магинска, их давнего знакомого, Виктора Петровича Хмурова, который слыл деловым человеком до мозга костей, правда, позднее погорел на том, что благословил своего охранника попугать начальника магинского «Водоканала», а у охранника совсем поехала крыша, и он вместо недруга Хмурова посадил в его шофёра очередь из калаша. Так что ещё одна ниточка к счастливой жизни у Ветлицкого оборвалась.

В редакционном сквере в этот послеобеденный час Старцев совершенно забыл, чего ещё совсем недавно весьма опасался, хотя и прохожие-то особо не наблюдались. Отдуваясь, журналист развалился на скамье, отчего Андрей сделал вывод, что обед собкору пошёл явно на пользу.

– Слушай, – Герман ещё разок огляделся, вроде для подстраховки, – у Григория Николаевича я был просто для отвода глаз, заодно и пронюхал, где у него свои балки имеются, правда, пришлось ещё и в Интернете пару деньков посидеть, глаза попортить, а также повидаться кое с кем, но не в этом суть вопроса. – Старцев неодобрительно посмотрел на собеседника. – Да ты меня не слушаешь, Ветла?

– Слушаю, слушаю и уяснил только одно, что ты, Гера, недавно плотно пообедал, а ещё в Интернете глаза портил.

– Плотно, да я два дня сидел на диете, голодом, можно сказать, себя морил, а проще испытывал, как это верующие люди могут такое переносить, неделями слабо кушать.

– С чего это ты, Герман, стал таким набожным?

– На всякий случай, хотя я тебе о другом хотел поведать: наклёвывается перспектива подправить ход исторических событий, и если повезёт, то слегка улучшить своё материальное положение.

– И улучшай на здоровье, кто тебе не даёт, а что до хода исторического процесса, так он меня вполне устраивает.

– Узко мыслишь, дело не столько в ходе этого процесса, слышал, поди, что история не столько учит, сколько наказывает за незнание её уроков.

– Да, нечто подобное. – Ветлицкий откровенно зевнул. – Прямо в сон клонит, Гера, от таких витиеватых речей. От меня-то ты чего хочешь, опять по горам лазить да землю кубометрами ковырять?

Вызывало подозрение, что такой язвительный и прямой человек никак не может объяснить, в чём суть дела, всё ходит вокруг да около. Андрея вообще удивляла иезуитская манера собкора доставать собеседника своими пассажами. Однажды он решил поведать об истории поступления на журфак, так начал чуть ли не с времён Александра Первого и восстания декабристов. Заставил выслушать, как декабристов загнали в сибирские рудники, какого рода дея-

тельностью они занимались в Иркутске, факультет журналистики, на который поступал Старцев, как раз относился к Иркутскому универу, а на истории приезда в Сибирь жён этих самых декабристов Ветлицкий уже не выдержал, пришлось оборвать друга на самом интересном месте клятвенным заверением, что Андрей тоже был в курсе, как этих бедных дворяночек мытарили, но и самому начать пересказывать содержание кинофильма о вояже жён декабристов в царство льда, холода и чиновничьего беспредела. Тогда Герман перекинулся к рассказу о своём знакомом доценте местного университета, чуть ли его однокурснике Валерии Павловиче Прищепе.

– Если он твой сокурсник, то чего ты его по имени-отчеству навеличиваешь? – допустил тогда неосторожность уточнить Ветлицкий, и Герман завёлся: «Да ты знаешь, где я, а где он. У него Евтушенко в друзьях, едва ли не в первейших, числится. Он о нём две монографии написал. Женька тоже наш, со станции Зима родом, иркутянин, поэму «Братская ГЭС», о наших гидростроителях, как монумент отгрохал. Не читал, небось?»

– Почему не читал, только сомневаюсь, что сам Евтушенко у Прищепы в друзьях числится.

– А ты поменьше сомневайся. Вот будет окно в моём расписании – сведу тебя с Валеркой, он и твоё творчество может разобрать по косточкам. Да ваша председательница как-то на творческой встрече поведала, когда она стихотворение напишет, в первую очередь мнения Прищепы опасается.

– Ага, уже поверил, испугалась она твоего Валерия Павловича.

– Испугалась, не испугалась, а я её за язык не тянул.

И так могло продолжаться до бесконечности, только не на этот раз...

Глава 4. Ближе к делу

Судьба не всегда благоволила к Ивану Тимофеевичу, в миру Плотникову. Прежде чем оказаться на «Лесной даче», в простонародье «Кетчупе», от заводоуправления большого электрохимического комбината, Ванька, никакой он тогда был не Иван Тимофеевич, помотался с чужими людьми и по степям, и по тайге, а в последней обосновался капитально. Сроднился, можно сказать, стал понимать тайгу, как родную мать. Да за семью Иван Тимофеевич очень-то и не держался. С той, Великой Отечественной, его отец, знатный стрелок и разведчик, не вернулся. Сложил голову где-то в белорусских болотах, и пришлось Ваньке выживать как умел. Мать свою он схоронил уже в Сибири, сестрёнок в детдома определили, а сам сначала по пристаням и вокзалам околачивался, а после прибился к общине не то старообрядцев, не то староверов и крепко усвоил уставы, по которым жили святые люди.

Хотя вскоре, после войны, всё их святое братство распалось. Некоторые из братьев стали к водочке прикладываться и даже покуривать. Иван Тимофеевич такого себе не позволял, да и нужды в этом сильной не испытывал, тем более с семьёй у него не заладилось. Девчонка, к которой дружил, подалась куда-то в Забайкалье. Иван было двинулся за ними, но по пути отстал и осел сначала в Горной Шории, а потом и сюда, в Саяны, перебрался. Пристрастился для пропитания рыбалкой подрабатывать, в травах стал толк понимать, шишковать мог, да так, что ни кедру урона не делал и себя не обижал.

Позднее осел у Кемчуга, на лесной даче, заготовителем таёжных даров, коими угощал гостей из заводоуправления. Там и познакомился лесной человек с корреспондентом газеты «Енисей» Германом Старцевым. С подобными людьми Плотникову приходилось иметь дело, деловитыми, немногословными, хотя сам Герман Николаевич совсем отошёл от обычаев своих предков. Впрочем, компанейский характер собкора «Енисея» объяснялся его профессией, а учитывая, что Старцеву не единожды приходилось бывать на лесной даче Кемчуга, то времени, чтобы поближе сойтись почти по-родственному, у обоих единоверцев хватало. Это Иван Тимофеевич заронил интерес у собкора «Енисея» к теме наличия в этих местах золоторудных и россыпных месторождений такого полезного и дорогого металла. Людей испокон веков тянуло к золотым безделушкам и украшениям, а с тех пор, как золото стало эквивалентом в обмене и мерилем богатства, интерес к «золотому тельцу» вообще превратился в настоящую эпидемию. В долгих беседах двух друзей-единоверцев Иван Тимофеевич словно нарочно пробуждал интерес Старцева к данному предмету, намекая, что наступит время и они смогут приблизиться к осуществлению какой-то ещё непонятной, но уже желанной мечты. Тогда не придётся Старцеву ползать на коленях перед сильными мира сего, да и он, Иван Тимофеевич, заживёт по-другому.

– На Кемчуге жить можно, когда с комбината гостей нет. Я в тайгу хожу, грибы-ягоды собираю, заготовками на зиму занимаюсь.

– Что, без заготовок нельзя? – удивлялся Герман. – У хозяев твоих денег куры не клюют, небось управление всё в Москве, к нам только с ревизиями налетают, ревизоры хреновы.

– Дело не в деньгах, Николаевич. Таёжный продукт, он свой вкус имеет, запах, и польза от него, хотя о какой пользе говорить, если гости по бутылке коньяка примут – любую пользу заглушат, но меня не обижают. Завхоз ихний, Худяков, на что человек въедливый, а и то со мной спорить опасается, знает, что сама Татьяна Евгеньевна за меня горой. Та в домашних продуктах толк понимает, и частенько с собой я ей сумку собираю: балычка там копчёного, маралятины вяленой. Ты-то небось пробовал, Герман Николаевич, когда с ними гужевался.

– Не скрою, приходилось. Всё-таки мастак ты, Иван Тимофеевич, а вот медвежатины вкуса не ведал.

– Я, вообще-то, избегаю на медведя ходить, но когда приезжие завалят хозяина, тогда деваться не куда. Гости требуют, хотя мясо нужно с осторожностью готовить, разборчиво. Слышал небось про трихинеллёз, та ещё зараза, а так мясо, как мясо, сластит, говорят. Я его не ел. По мне, и без медвежатины было чем вашего брата угощать.

Герман вспоминал разговоры с Иваном Тимофеевичем и утверждался в мысли, что старика вызвать на откровенность – непростое дело, а если бы он разоткровенничался, то не одну повесть о жизни егеря можно было с его слов написать.

Глава 5. И снова Старцев

– Начнём, господин поэт, с посещения тобой конторы «Золотого пояса»? Ты с какого дива туда поперся, денег у Гришки Сапрыкина кланчить? – Герман Старцев ещё раз сытно икнул и с подозрением посмотрел на собеседника. Ветлицкого слегка покорибили нотки не то подозрительности, не то некоего превосходства в словах собкора.

– Хоть ты, Гера, и призываешь к разговору начистоту, а сам, как полная Туманность Андромеды, со всей её инопланетной субстанцией, да будет тебе известно, что «Золотой пояс» я посетил по наводке Мирры Нестеровны, и Гришку Сапрыкина раскрутить на издание сборника стихов тоже не помешало бы, только что мне лично это даёт? Издаю сборник, другой... Кумаева правильно говорит, что она ещё может понять тех, кто пишет стихи, но вот кто их читает, для неё полная загадка. Действительно, вот и задумал я взяться за роман или хотя бы на первый случай за таёжную повесть. Задумал-то задумал, а материала не очень, чтобы очень, хотя и вырос я, можно сказать, в предгорьях Саян, то есть под тайгой-матушкой.

– Да-а, таёжник из тебя слабый, можно сказать, никакой, дамский угодник! – Герман раскатисто засмеялся. – Так ты с Миррой решил у Сапрыкина деньжатами разжиться и курс молодого бойца пройти, а помнишь, как этот горе-бизнесмен подпил и объявил себя племянником губернатора Орлова?

– Не такой он и «горе-бизнесмен», как тебе кажется. Гришкина фирма, говорят, крепко на ногах держится.

– Да, крепко. Все реки по долине Теренсуга загадили.

– И я о том же, с экологией у бывшего секретаря райкома комсомола не лады, зато с чистой прибылью от добычи золота полный ажур.

– Ты меня, старче, для этого сюда позвал, чтобы предаваться воспоминаниям или наставления читать?

Герман понял, что его собеседник дошёл до кондиции и больше пускать пыль в глаза нет нужды.

– Позвал я тебя, Ветла, чтобы помочь нам обоим начать жить лучше обыкновенного среднего гражданина в нашей довольно-таки бедноватой республике.

– Хм. – Ветлицкий недоверчиво хмыкнул.

– Не хмыкай, а вникай в то, о чём я тебе сейчас поведаю. Очерки мои о таёжных тупиках, о Шаман-тайге – всё это вчерашний день. Ещё собкор «Комсомолки» Василий Песков о заимке Лыковых в верховьях Большого Абакана целую серию статей опубликовал, чем и подписал их семейству смертный приговор. Да ты об этом знаешь не меньше моего, хотя я с геологами на ту заимку летал и с самим Карпом Лыковым, вот как с тобой, беседовал...

Ветлицкий заёрзал на скамейке, кажется, Герман оседлал своего любимого конька.

– Ты давай, давай, старче, рожай, раз поднатужился.

– Ладно, я так понимаю, что золота в здешних речках было достаточно, чтобы Лыковы, живя столько лет в тайге, свой шанс упустили. У воды, да не напиться.

– И...

– И был у этой непонятной семейки связник, хороший связник, язык умел за зубами держать, очень-то Лыковых в ход социалистической действительности не вводил, да и с ними контактил не напрямую, а через какую-то промежуточную инстанцию.

– Ага, понимаю, это как в шпионских детективах, через дупла в деревьях или тайники в камнях? – Ветлицкий развеселился. – И где эти схроны в тайге на площади в тысяч тридцать квадратных километров искать прикажешь?

– И я говорю, где? Только не всё так плохо, как может показаться с первого раза. Есть возможность подобраться к последней заначке через одного человека.

Старцев поднялся со скамейки в скверике возле кафе и нервно заходил по асфальтированной дорожке туда-сюда, ни на минуту не упуская своего собеседника из виду. Андрей не мог понять, то ли это randevу всерьёз, то ли опять Герман комедию ломает? Только зачем ему понадобился он, Ветлицкий, или это театр для одного зрителя? Андрея стала раздражать вся эта история с каким-то связником, старообрядцем и кладоискательством. Из-за этого старцевского «забега в ширину» у школьного репетитора сорвались две полноценные консультации с учениками. Конечно, жена Валя ничего не скажет, промолчит, как всегда, только посмотрит на своего мужа-кормильца осуждающе-устало и пойдёт на кухню, и это после полновесной учебной смены в школе. Досада на Германа стала нарастать в душе Ветлицкого. Ничто не берёт этих авантюристов. Везде им мерещатся какие-то схроны, клады, которые заложены в различных местах лесов и полей, дожидаясь своего звёздного часа, хотя, если посмотреть с другой стороны, нашли же они мешочек с золотыми, ещё царскими, червонцами под полом коняевской сторожки. Найти-то нашли, да делёжка вышла не в пользу Андрея. Ветлицкий чуть ли не с ненавистью посмотрел в сторону мелькающего перед глазами собкора, и тот, как опытный игрок, перехватил данный мяч. Плюхнувшись на сиденье рядом с поэтом, Герман безо всякой иронии взял быка за рога:

– Мне Плотников предлагает попытать счастья, только я, честно говоря, не совсем ему доверяю, да и побаиваюсь. Один на один с таким мужиком оставаться в тайге не хотелось бы.

– Полагаешь, что при случае он нас двоих не положит?

– Двое-трое не один. Мы-то, Ветла, тоже чего-нибудь стоим. Зато можем при случае такой куш урвать, какого и во сне не снилось.

Ветлицкий мог бы припомнить собкору и то, как он висел на одной руке над пропастью, и про случай нападения на них у речной отмели. Тогда от бандитов их спасло появление эмчевского вертолётца, но всё это было в прошлом, не говоря о том, как их выследил тюремный надзиратель Коняев.

Старцев словно догадался, о чём в сей момент думает его друг, и, понимая, что или сейчас, или никогда, похлопал товарища по плечу:

– Говоришь, лады? Теперь расходимся по домам и начинаем готовиться к марш-броску за «Синею птицей», Ветла. Созвонимся, короче. Да жёнушку свою очень-то не информируй насчёт моего предложения.

«Это я ему как прикрытие понадобился. Взял бы тогда физрука. Алексей Николаевич и боевое самбо знает и стреляет так, что на соревнованиях всегда первые места занимал», – подумал Андрей и, вспомнив, как ловко тот крутанулся с делёжкой «коняевских» червонцев, окончательно понял, что Герман выбрал его в напарники зря.

Глава 6. Конец тихой жизни

Герман Старцев и сам не хуже Ветлицкого понимал, что напарник из впечатлительного интеллигента, честно говоря, никакой. Занятие репетиторством в городе и жизнь в тайге так же далеки друг от друга, как сравнение труда землекопа и бухгалтера, но Андрей был собкору знаком и всегда под рукой, а егеря с заводской дачи – всё-таки тёмная лошадка. Вот вроде говорит Иван Тимофеевич и дела у него простые, а всё же что-то не договаривает, да и планы последнего заставляют задуматься и насторожиться.

Жил тот себе на Кемчуге, а по-народному «Кетчупе», заготавливал различные таёжные продукты, чтобы при случае угодить выезжающему на природу и вдрызг замотанному делами заводскому начальству. Водил высоких гостей на охоту-рыбалку, а то и просто подышать густым смолистым воздухом сибирских просторов, и был он здесь, на лесной даче комбината, первейшим по необходимости человеком до тех пор, пока некие умники из Центра не посчитали, что отходы, чем возить «убийственную химию» на Урал, этого самого комбината, выгодней захоранивать где-нибудь неподалёку, благо места в таёжных угожьях сибиряков хватало.

Долго не думая, подключили к решению данной проблемы местных изыскателей, а те свои, полностью послушны и на всё согласны, что им начальство комбинатское присоветует. Вот и вышло, что химические отходы, запаянные в железные бочки, можно складировать всего в километрах двенадцати – пятнадцати от комбината, в тайге, почти рядом с владениями Ивана Тимофеевича, которые на стратегических картах не обозначены.

Для Центра главное – себестоимость конечного продукта, посмотрели бумаги и утвердили безо всяких проволочек, а известно ещё с давних пор «что написано пером, не вырубишь топором». Засуетился Иван Тимофеевич, да поздно было. Загромыхали по благоустроенной дороге до базы отдыха и далее многотонные махины бульдозеров, скреперов, самосвалов, поднимая тучи пыли от колёс дорожной техники и вырытой земли котлована, для складирования отходов. Теперь балыки и марлятину вяленую доставать стало не просто, да и каждый кусок прежде, чем подавать к столу, в лабораторию не натаскаешься.

Гости, особенно из дальних краёв, члены комиссий разных, похваливали заводское начальство за смекалку, за инициативу, за деловой подход к порученному делу, а на дачу к Ивану Тимофеевичу уже не стремились и выходило, что наш добытчик вроде как лишний. Тут, кстати, свёл его случай с умным человеком, собкором газеты «Енисей», Германом Старцевым. В разговорах с Иваном Тимофеевичем понял собкор, что есть в его словах какая-то недосказанность, какая-то тайна. Вроде бы и желает он поделиться с журналистом и до конца ему пока не доверяет. Почувствовав эту недосказанность, стал прожжённый журналиста исподволь подбрасывать мыслишки в голову кетчуповского егеря.

– Пылит хранилище отходов? – вроде бы случайно вопрошал собкор Ивана Тимофеевича.

– Да вроде пылит. Нешто без специальных анализов определишь? Только мне никаких лабораториев не надо, я по тайге вижу. Лиственницы пожелтели и хвою в середине лета начали сбрасывать, хотя начальство говорит, что апосля заливать бетоном будут каждый ряд бочек.

– Бетоном, а положено жидким стеклом эту заразу изначально запечатывать, Тимофеевич.

Кетчупский старожил соглашался: «Вижу, что пора сваливать отсюда, только куда?» – Сейчас везде безработица, всюду деньги нужны. Не подмажешь – не поедешь, сам посуди, – нагнетал Старцев.

– Тоже правда. Эх, знать бы, я когда около старообрядцев обитался, нужды не ведал, с братьями марала завалишь, мяса на всех хватает, ешь – не хочу, а теперь каждый кусочек купить надо и на говядину-то не всегда денег наберишь.

Собкор старался не прерывать Ивана Тимофеевича, но старик крепко свою речь контролировал, сызмальства приучен был: лишнего не болтать, а больше других слушать, только ситуация и его поджимала. – Оно, конечно, можа наведаться в те места. У тебя, Николаевич «Нива», вездеходная машина, только один бензин чего стоить будет.

Старцев, мысленно перебирая в уме денежки, которые у него были в зачатке, соглашался:

– Можно рискнуть ради такого дела, Тимофеевич. – Знать бы, куда?

– Ладно, поживём – увидим. – Плотников охал и поглаживал свои колени. – Теперь из меня ходок плохой, а бывалоче, до своих робят в три дня добирался, не охнув.

– С ортрозом шутки плохи, дальше хуже будет, в суставах от простуды и ходьбы хрящи стираются, – сочувствовал Герман. – Лечить ноги надо, это не просто насморк, сам не пройдёт, а лечить – денюжки требуются. По-нынешнему – баксы и фунты...

– Я больше по-своему, отварами из лесных трав.

– Помогает?

– А как же, пока на печи лежишь – обязательно.

Старцева такие речи особенно-то не радовали, но и всё же больные ноги Плотникова крепко привязывали старика к Герману и его «Ниве», однако, наблюдая за егерем, новый друг всё больше склонялся к мысли, что без Ветлицкого ему не обойтись. Очень был его визави себе на уме, лишнего не сболтнёт, не проговорится. Конечно, если удастся Ивана Тимофеевича убедить, сделать вылазку в тайгу за припрятанным золотишком, тогда многие материальные затруднения решатся сами собой. Собкор уже пожалел, что пытался заручиться благосклонностью Григория Сапрыкина, такие бывшие комсомольцы, уважали твёрдую над собой власть и категорически были против всякой гласности, хотя попиариться и Гришка был не прочь. Вот презентовал же «Золотой значок» корреспонденту газеты, но дальше значка дело не пошло, потому что серия очерков в «Енисее» хозяину «Золотого пояса» не очень-то пришлась по душе. Здесь главное – не известность в республиканском масштабе, а сильные деловые связи, которые одними очерками не установишь, а таковых у Григория Николаевича Сапрыкина ещё с прежних, комсомольских, пор достаточно было: одни подвизались во власти, в различных депутатских комиссиях, эти были самые желанные, любой вопрос через Советы могли провести, любой вопрос замотать, другие даже до Москвы продвинулись и хоть на бывших товарищей посматривали свысока, всё-таки дружбы с некогда комсомольскими вожаками не чурались и, если случалось бывать в Зауралье, а точнее, в пределах досягаемости Гришкиной фирмы, не отказывались и на рыбалку с её хозяином съездить и поохотиться на маралов в известном заповеднике, бывало и просто на халяву сытно погужеваться в местных ресторанах или базах отдыха. Руководя фирмой, Сапрыкин тоже не зевал. Деньжат поднакопил, быстро переводя их в недвижимость в районах Средиземноморья, куда случалось ему наезжать на отдых, будучи комсомольским секретарём, только в дружественных странах тоже теперь беспокойно. В одних «цветные» революции перебаламутили стабильный образ жизни, в других свои демократические заморочки. «Надо было в Штаты податься, там – оплот вольготного капитализма, и чтобы власть для всяких там бузотёров подвинулась... не дождётесь», – соображал после ухода очередного просителя, сиречь охотника до дармовых Гришкиных денег, владелец каменных палат в центре Магинска.

Глава 7. На дальних подступах

1

После планёрки в фирме «Золотой пояс» бывший комсомольский вожак, а нынче владелец этого самого «пояса», спросил у своего заместителя и начальника безопасности, когда они остались втроем:

– Вы хоть статьи этого правдоруба Старцева читали?

– Да почитывали, – слегка уклонился от прямого ответа Ждан Сергеевич, тот, кто отвечал за безопасность у Гришки.

– Нормальная статья, нам всё равно надо как-то перед народом объясняться и вливаться в этот самый народ, – поддакнул заместитель Сапрыкина.

– «В народ выходить, в народ вливаться...» – Тоже мне народоволец нашёлся, а вы на последнюю колонку в его «Повести нынешних лет» обратили внимание, где этот грёбанный летописец безо всяких обиняков спрашивает о нашей с вами фирме, мол, «Золотой пояс» – всё-таки пояс или удавка на шее рабочего класса?

– Так это он пуше для форсу, для остроты изложения подпустил. – Заместитель директора Виктор Васильевич как-то натянуто улыбнулся, ему вообще никогда не нравились привычки шефа заигрывать с прессой, с писаришками разными, борзописцами, как он их иначе и не называл. То шеф одной даме из литературного салуна душу изливал, то перед этим газетчиком Старцевым чуть ли не исповедовался, обоим по «Золотому значку» фирменному от широты своей души презентовал, а тут ещё некто Ветлицкий подкатил, знамо дело, денег на издание книжки своих лирических опусов выпрашивать. И как ещё шеф ему не отвалил от щедрот своих, уму непостижимо?

– Задумался, Виктор Васильевич, ты о чём это? – Сапрыкин с усмешкой посмотрел на зама. – Хотя, с другой стороны, я вас распрекрасно понимаю, должности у вас обоих соответствующие, а посему, Ждан Сергеевич, ты бы прощупал почву под этими коммивояжёрами.

– Какие же это коммивояжёры, просто мелкие сошки, хотя и от них неизвестно чего можно ожидать.

– Ты и займись на досуге добрыми молодцами; с кем живут, чем дышат, а то уже опух от безделья. Времена-то сейчас мутные, неясно, чего и от кого ожидать. Ты слушаешь меня?

Начальник безопасности сразу превратился в само внимание:

– Их что – просто пощупать или всякое желание интересоваться нами отбить?

– Тоже нашёлся повар. Ты полагаешь, что люди творческие, да ещё с правильно поставленным обонянием, это тебе отбивные котлеты?

– Да не беспокойтесь Григорий Николаевич, всё выясню, профилактику проведу, так сказать, по всем правилам...

И уже на следующий день колесо закрутилось, правда, за Ветлицким ничего подозрительного не наблюдалось, а вот Старцев, тот по городу пешком не мотался, а перемещался на вишнёвого цвета «Ниве». Машина эта на приколе у редакции не стояла и кроме всего прочего то частенько ныряла за электрохимический комплекс, то пропадала в таёжном массиве.

«Он, наверное, под комбинат копает, – делал выводы начальник Гришкиной безопасности, – там-то есть за что ухватиться. Вон какое хранилище под Кемчугом отгрохали. Нет на них управы, это вам не наши «хвосты» от промывки породы».

– Ты меня удивляешь, Ждан Сергеевич, не хватает нам ещё с комбинатскими схлестнуться. Хорошенько проработайте нужные документы, карты. Помни, что два медведя в одной берлоге не живут.

– Какие же мы медведи с «Электрохимом», в этой паре на медвежонка и тянем. – Ждан Сергеевич заставил себя улыбнуться через силу.

– Ну не кисни, медвежонок, а всё-таки смотри мне, чтобы без конфликтов.

2

С некоторых пор Ветлицкого одолело беспокойство. Вроде никаких внешних изменений: город как город, люди, как люди, а вот вроде присматривается к нему кто-то, словно на верёвочке ведёт. Он уже все приёмы раскрытия слежки из кинофильмов и книг вспомнил, да и с чего за рядовым учителем-репетитором следить? Может, кто из его учеников на экзамене лопухнулся и ему хотят отомстить, а может, «коняевские» червонцы зашевелились? Так ему по-всякому меньше всех досталось, вот бы и начинали с физрука или этого фантазёра Старцева.

И Ветлицкий вспомнил, как они вырыли захоронку купца Коняева под полом его сгоревшей избышки на заимке в тайге, мешочек золотых царских червонцев, разделили по-братски, вроде никого не обидели. Физрук свою долю через материного брата, бывшего начальника магинской тюрьмы, реализовал. Старцев по своим каналам сбыт организовал через подпольных стоматологов и ювелиров. Он всё-таки тёртый калач, постоянно среди мутной публики крутится, а Ветлицкому за полцены Алексей Николаевич помог его долю сбыть, всё через того же дядю-полковника. Надо при случае спросить у физрука, никто на него не вышел, после истории с коняевским схроном? Физрук Ветлицкому не встретился, зато Старцев сам нашёл Андрея.

– Послушай, Ветла, здесь наклёвывается одно дельце, ты думаешь мне компанию составить, в мероприятии с Иваном Тимофеевичем?

– У тебя уже компания, «Старцев и К°»?

– А как хочешь называй, но кажется мне, что Иван Тимофеевич уже дозрел. – Собкор пощёлкал пальцами. – И пора вести бычка на верёвочке к месту захоронения...

– Какого захоронения? – не врубился слушавший вполуха своего предприимчивого друга Ветлицкий.

– Какого, какого, узнаешь со временем, а Ивана Тимофеевича я почти убедил. Пора брать быка за рога.

– Так быка или бычка? Знаешь, старче, как бы тебе рога не обломали. Сам говорил, что не очень-то доверяешь этому старообрядцу.

– Не скажи, они люди слова, если что делают, то головы не теряют.

– Смотри, Гера, как бы нам свои подобру-поздорову унести.

– Уже струсил, ещё и не начинали, а ты уже отходную запел.

– Отнюдь, я почему к тебе-то пришёл?

Старцев потер ладонь об ладонь, словно собирался ударить по рукам, заключая очень нужную сделку:

– Уже интересно, хоть какой-то просвет в конце тоннеля намечается.

– Не просвет, а наоборот, затемнение. Стал я чувствовать себя не совсем в своей тарелке. Жене ничего не говорю, только ощущение такое, вроде следит за мной кто-то. Как твоего бычка на верёвочке водит.

– Следит, говоришь? – Старцев поцокал языком. – Слежка во все времена была делом хлопотным и дорогим, поэтому кому ты, Ветла, нужен? Ты что, пахан какой, глава шайки, а может, резидент иностранной разведки? Ха-ха-ха! – Старцев расхохотался. – Уморил, так уморил. Нужный ты обществу человек, то за тобой сокамерник Пьяный хвостом таскался, теперь вот новая напасть.

– Тебе смешно, а мне совсем не до смеха.

– Ты хоть жене о своих подозрениях не рассказывай. Зачем пугать женщину всякими домыслами? Да я просто, для подстраховки с тобой посоветоваться хочу. – Ветлицкий специально медлил, чтобы Старцев съехал со своего весёлого тона, если это коняевских червонцев касается, то мы с физруком через его дядю, полковника полиции, обмен вели. Тот всё-таки начальником тюрьмы до пенсии числился, а вот ты со всякой шушерой вязался. Вполне мог засветиться.

– Пожалуй, это другой коверкот, уговорил. Хочешь, я за тобой послезу, может, опять, как того топтуна, изловим?

– Походи, сделай милость, только как ты походишь, если из своей «Нивы» не вылазишь? Ты и без этого на работе не очень-то исхудал, а теперь и вовсе килограмм с десятков лишних в свой актив набрал.

– С десятков, не с десятков, а слегка подправился. Тебе сейчас в какую сторону?

– Домой.

– Выходи из редакции, потолкайся на крыльце и двигай в направлении торгового центра. Мне из редакции хорошо за улицей наблюдать, а в торговом – толпа, перебросимся парой слов незаметно, оценим обстановку, а дальше видно будет по обстоятельствам.

– Ловкач же ты, Герман... по обстоятельствам, ты случайно с собой из огнестрельного ничего не носишь?

– Нет, у меня газовый баллончик.

– В торговом центре нельзя газ распылять.

– Можно подумать, что стрелять позволительно. Давай выходи на проспект, а я в окно посмотрю за твоим передвижением, а после и выйду... следом.

Чувствовалось, что Старцев попал в родную стихию. Он, кажется, даже свой намечающийся животик подобрал. Проходя мимо, Ветлицкий не удержался, чтобы не хлопнуть собкора по «комку нервов», как говорил один из персонажей известного кинофильма.

– С таким «багажом» я бы тебя тогда, на скале, не удержал.

Выйдя на редакционное крыльцо, Ветлицкий специально немного потоптался перед витриной, где был вывешен свежий номер «Енисея», и не спеша двинулся вниз по проспекту, в сторону торгового центра. Шёл и старался не оглядываться, хотя всё-таки посматривал крадучись по сторонам. Около почтамта, на автобусной остановке, сделал вид, что вытряхивает из кроссовка камушек. Тут он уже дал волю своим наблюдениям. Люди толпились, передвигались туда-сюда. Каждый был нацелен на свои дела, вроде ничего подозрительного, правда, невдалеке замаячила фигура Старцева. В универмаге они встретились за колонной торгового зала, и Герман предложил Ветлицкому ещё раз прогуляться в сторону железнодорожного вокзала.

– А то я не могу понять, вроде бы все подозрительные и все за тобой следят. Андрей незаметно кивнул и направился куда ему предложил Старцев.

Уже подходили к вокзальному скверу, когда Ветлицкий услышал свист, оглянулся и увидел, что его друг держит за шиворот какого-то шкета.

– Этот гусь за тобой шнырил. Давай-ка в скверик зайдём. Собкор приобнял пойманного им паренька и чуть не на весу потащил к лавочке за кустами, тем более опыт в общении с такого рода публикой у Германа уже был. Пойманный злоумышленник не создавал впечатления какого-нибудь правонарушителя, но Старцев отнюдь не придерживался такого же мнения.

– Рассказывай, мил человек, с какого ты перепуга таскался за моим знакомым?

Паренёк молчал и только вертел головой, словно высматривал кого-то.

– Да он, Герман, не расколется. По виду – шпана, а у тех круговая порука.

– Тогда в «ментовку» сдадим – и взятки гладки. Ну-ка, Ветла, обшарь карманы у этого Павлика Морозова. – И, не дожидаясь помощи друга, сам быстренько обхлопал свободной рукой штанины пойманного им паренька.

– Пусто, а кошелёк Андрюхин где?

– Какой кошелёк?

– Не знаешь, выбросил не иначе, тогда поведём его без дальнейших пустых разговоров к нашим правоохранителям. Те живо с ним разберутся.

– Да не брал я никакого бумажника.

– В полиции разберутся, знаком ли ты с частной собственностью этого гражданина или нет. Как звать-то?

– Тодик.

– Собака, значит?

– Тодик – это погоняло такое.

– Ишь ты, за что же это тебе такую неуважительную кликуху дали? А вообще-то подходит. Сидел, что ли? «Тюрьма-старуха, дай кликуху».

– Да нет, просто я Толик Димаев, а сокращённо – Тодик!

– Всё равно кличка собачья, и с какого перепуга ты, Тодик, за нами увязался? Больше заняться нечем? Говори по-хорошему и топай до «хазы»: помнишь тётеньку Мордюкову?

– Никакой я Мордюковой не знаю.

– А кого знаешь?

Странно, только паренёк вёл себя вполне терпимо, не пытался вырваться из лап Старцева и даже вроде бы осмелел, поняв, что бить его здесь не будут.

– Так начнёшь колотиться? – Герман сделал страшные глаза: – Начнёшь или нет, Тобик?

– Меня дядя Ждан попросил дружбана выпепить, тогда он со мной рассчитается по полной.

– Какой такой дядя Ждан? Чудно как-то: ты – Тобик, дядя – Ждан, семейка, надо понимать, не из козырных.

– Да никакой он мне не дядя, просто работа у него такая, в «Золотом поясе» чего-то делает.

Ветлицкий с недоверием посмотрел на паренька, Герман тоже расслабился, а пленник неожиданно крутанулся и вчистил по аллейке на проспект. Наши «следаки» опешили, и не столько от того, что их арестованный сбежал, сколько от того, что какой-то неизвестный дядя Ждан приказал следить за Ветлицким, а главное, что «дядя» этот работает в ведомстве у Григория Николаевича Сапрыкина.

– Я тебе говорил, Ветла, что у Грини Сапрыкина не всё чисто.

– С чего ты взял? – Андрей уже пожалел, что попросил Старцева об одолжении, помочь выявить слежку. Теперь думай, с чего это Сапрыкин взял их на заметку. «Может, не поверил, что я к нему за деньгами для издания книжки стихов приходил, так всё равно не дал, и что можно выявить от разового посещения конторы «Золотого пояса», скорее свою службу безопасности решил потренировать, а то пухнут от безделья».

Глава 8. Нежданные гости

Эпизод в богатой биографии обоих добытчиков был, конечно, плохоньким и не стоил внимания со стороны и журналиста, и литератора, но Старцев решил, что делу надо придать ускорение, а заодно и Плотников пускай к Ветлицкому притирается, а чтобы не откладывать дела в долгий ящик, после стычки с сапрыкинским осведомителем наши «туристы» поехали к Ивану Тимофеевичу.

Трасса до Сосновска была отличной. Пока она шла по степи, окружающий пейзаж удивлял степными «блюдцами», затянутым по окраинам камышом и рогозом, последними стаями перелётных птиц, лёгким ветерком, пропахшим запахом полыни и богородской травы, но, постепенно заходя в предгорья Саян, увалы становились на изломе лучей восходящего солнца то синими, то сиреневыми. Какая-то печаль засыпающей природы сквозила в окружающем пространстве.

В одном месте дорога была прорублена по склону мраморной горы. Из-за этого в недавнем прошлом развернулась целая дискуссия: строители настаивали для скорейшего ввода объекта в строй взрывать мраморную скалу и вести путь к намечающемуся строительству выше по течению Енисея едва ли не крупнейшей в мире гидроэлектростанции, а ревнители природы и те, кто имели намерение добывать здесь мрамор, были категорически против. Скалу всё-таки решили рвать, и мраморный монолит покрылся микроскопическими трещинами, что заметно снижало ценность добываемого отделочного камня.

Так и появился этот многотрудный путь, проложенный между Енисеем с одной стороны и склоном уникального мраморного массива с другой, к посёлку гидростроителей, за которым эти самые умельцы возвели свою гидроэлектростанцию. Наконец старцевский «Вазон» въехал в настоящую тайгу. Сам владелец автомобиля, уже не раз побывавший в здешних местах, больше смотрел на дорогу и поминал недобрым словом водителей большегрузов, которые раскатали трассу, когда строили хранилище отходов от местного электрохимического комбината, и после, когда стали завозить туда объёмистые железные бочки с этими самыми отходами.

– Совсем убили дорогу! – выругался Старцев, сворачивая на асфальтированный просёлок.

– Смотри-ка, главная дорога никудашная, а здесь асфальт.

– Он и на прежней дороге был, да большегрузы его по сторонам растащили, а этот «аппендикс» на заводскую дачу ведёт, где начальство химкомбинатовское со своими гостями отдыхает.

– Дача?

– Да, урочище Кемчуган. Острия этот райский уголок «Кетчупом» прозвали, вроде как приколотись.

– Весёлые, видать, здесь люди отдыхают, только непонятно, вроде бы дача для отдыха создавалась, а под боком хранилище химических отходов.

– Тогда никакого могильника не было, – резюмировал Старцев. – Сами отходы на Урал отправляли по Транссибу, впрочем, тоже опасно, сойдёт состав с рельсов, тут тебе и до второй Кыштымской трагедии недолго, а дороговизна, денежки за перевозку ты учиываешь, Ветлицкий?

– Мне-то чего их учиывать, если на Урал гоняли, значит, овчинка выделки стоила.

– Овчинка-то стоила, и немалых денег, заодно и в Тимофеевиче у них нужда отпала. Да сейчас сам всё увидишь и поймёшь. Старик места себе не находит, засобирается удочки с Кемчуга мотать.

Впереди замаячил забор и ворота с проходной будкой, из которой вышел молодой человек и, узнав Старцева, всё же строго спросил:

– К Ивану Тимофеевичу?

– К нему, больному.

– Тоже нашёл больного, да он ещё нас переживёт, – отворяя ворота, заметил охранник. – Правда, последнее время больше стал на колени жаловаться, охромел на обе ноги, а то и понятно, ты с его побегай по тайге, попромышляй, так не только колени, а даже ноги протянешь.

Старцев оставил машину возле будки, и двинулся вглубь двора.

Лесная фазенда для отдыха заводчан представляла собой несколько отдельных строений, срубленных из добротного кедрача, возведённых в древнерусском стиле, и только флигелёк в стороне от основных строений брусовой. Из него-то навстречу гостям, явно неожиданным, и вышел крепыш – среднего роста мужчина, по всему виду, в годах. Рыжеватая, с проседью, борода выдавала в нём человека, с определённым укладом жизни и, скорее всего, опытного таёжника.

– А-а, гости дорогие, – только и произнёс старик, а Старцев, изображая из себя знатока определённого этикета, не полез обниматься, но крепко, обеими руками, потряс протянутую руку хозяина. Ветлицкий не стал подражать Герману, хотя и он поздоровался, пожав руку, вышедшему им навстречу пожилому мужчине.

– Ветлицкий Андрей, учитель школьный, хотя теперь он больше репетиторством подрабатывает. Да я тебе о нём, Тимофеевич, рассказывал, – разговорился Старцев, – тоже большой любитель путешествий, русской словесности и даже пишет стихи.

– Знамо дело, сейчас только ленивый этим делом не занимается, а в пору моей молодости грамотёшки у людей маловато было.

– Ты совсем в старики записался, Иван Тимофеевич.

– В старики, говоришь. Рад бы ещё покозликать, а ноги требуют, сиди, мол, старый пень, где стоишь. Ладно, пошли в мои хоромы. – И бородатый мужик заковылял в свой флигелёк, причём походка у него была действительно неважнецкая. Здесь и несведущим в медицине становилось ясно, с таким здоровьем себя побережь надо, а по горам он и вовсе не ходок, да ещё за какими-то мифическими захоронками.

– Вы посидите, а я пойду, скажу Володьке, чтобы движок запустил, а то наш «Кетчуп» на автономном питании, электролинию по тайге подвести не удосужились.

– Вдоль дороги можно было столбов наставить, – угодливо вставил реплику Старцев, – хотя и с генератором тоже ничего.

– А ты думал. – Герман подмигнул другу. – И вообще я не пойму, где Тимофеевич шутит, а где всерьёз ведёт разговор, хотя ходок из него действительно слабоват, тут мы ему и поможем, мотай на ус, флибустьер.

– Пират здесь скорее ты, чем я, – заметил Ветлицкий.

– Ты – я, вот и свет дали, помогать Тимофеевичу не лезь, он сам угощать будет. Правда, теперь его можно считать больше мирским человеком, чем по вере его, но посуду для себя собственную имеет, блюдёт обычаи предков.

За импровизированным чаепитием Старцев завёл разговор о поездке в «таёжный тупик», как выразился о заимке Лыковых бывалый журналиста.

– Ни в какой тупик, Герман Николаевич, ездить не надо, туда лучше по воде добираться по Большому Абакану на Еринат – это речушка такая. – Подкладывая копчёного балычка в тарелки проголодавшихся собеседников, старик хитро посматривал на обоих, из чего Ветлицкий сделал вывод, что хозяин действительно не так прост и Герману стоило его опасаться, тем более дело щекотливое и неоднозначное. – У меня несколько схронов по тайге было. Сам Карп Осипович и его сыновья материалом добытым делились неохотно, только без провианта охотничьего в тайге не проживёшь, а ведь тридцать лет без связи с людьми, будь ты хоть трижды хитрым и умным, на печке в лесу не просидишь. Вот у нас и возникла эта связь, до половины

пути они свой товар доставляют, а верхнюю часть я осиливаю. Так что всё по-честному. Может, и до сей поры такая связка существовала бы, да подвернулся такой же вот писатель, как и наш Герман Николаевич, корреспондент Васька Песков.

– Я знаю. В «Комсомолке» очерк выложил «Таёжный тупик», – вставился со своими познаниями в деле таёжных отшельников, Андрей.

– Выходит, вполне вероятно, что ещё до Пескова к ним различные болезнетворные микробы попадать могли?

– Может, и правда, а возможно, и нет. Теперь определи, попробуй.

– Стресс у них получился, – налегая на таёжные деликатесы, вставил своё словцо Герман. – Я туда от своей редакции с Тулеевым, губернатором кемеровским, на вертолёте летал, а главное, от облегчения жизни.

– То-то вы всё «обобщили и углубили». Самолёты-то они и прежде видели, и ступени от ракет с Байконура прямо над Лыковыми сбрасывали, – не выдержал Андрей.

– Да что теперь об этом говорить. – Иван Тимофеевич, разливая очередную порцию чая, криво усмехнулся в свою рыжеватую бороду. – Одна Агаша осталась, да мой схрон последний, за Оном, только люди, жадные до чужого добра, как рассуждали, мол, у Лыковых за столько лет жизни в тайге добра этого, что блеснит, накопилось видимо-невидимо. Тут ведь как, если по-деловому, по государственному рассудить, так золота этого у нас хоть лопатой гребь, на тыщу лет хватит. Но мы не можем по-деловому, у нас ещё с царских пор каждый купчик-голубчик привык под себя грести. – Иван Тимофеевич, словно ожидая одобрения своим словам, посмотрел на гостей. Гости молчали, боясь остудить пыл старика неосторожным словом. Видя, что его речь нашла понимание, егерь продолжал: – Купцы, они сперва пенки снимали, жильное золото, оно больших затрат требует, техники разной. Шахты бить не каждый на такое пойдёт, а по рекам песок мыть – это всегда пожалуйста. Намоет такой жох пуда два – и загулял. В наших краях что копытовские, что коняевские прииски – всё хозяева прогуляли. Мне ещё дедок один рассказывал. Оно и сейчас находятся чудачки, по тайге шастают в надежде кладь отрыть этих лихоимцев. – Герман с Андреем переглянулись, что не ускользнуло от внимания умудрённого жизнью старика. – Вот-вот, и вы думаете, что неплохо бы урвать такую захоронку от старого режима. Пропили купчики свои капиталы, а на то, что не пропили, не прокутили, Советская власть свою лапу наложила. Понятно теперь – на «может» нет надежды. – Слушатели молча закивали головами, мол куда понятней. – То-то и оно, так что слушайте, что старшие говорят, да на ус мотайте...

– А говорят, что коняевскую заимку напрочь сожгли, – вставился Ветлицкий, за что и получил исподтишка тычок в бок от Старцева.

– Говорят, что в Москве кур доят. – Иван Тимофеевич тяжело поднялся с лавки и махнул рукой. – Ступайте с Богом, Володька ворота откроет без обыска, теперича брать у нас нечего, я уже какой день в тайгу ни ногой и на речку – тоже.

Распрощались без взаимных любезностей. На обратном пути Герман больше помалкивал, хотя и попрекнул Ветлицкого, зачем он влез с пожаром на коняевской заимке. Андрей тоже несклонен был к философствованию. Ему не очень-то нравилось подобное мероприятие, но Герман, кажется, закусил удила и не на шутку решил впрячься в дело поездки за «золотым руном» Ивана Тимофеевича.

– Старик, вишь, тоже себе на уме. Прошлого его не ясно, где он был, кем работал? Больше на тайгу упирает, мол, таёжник, а таёжник – это, Ветла, не профессия, а призвание. За призвание у нас денег не платят, да и прежде не платили. Вот у тебя, Ветла, какое призвание?

Ветлицкий поморщился:

– Я, вообще-то, учитель.

– Учитель – это специальность, и ты от ответа не увиливай.

– Могу стихи писать.

– «Могу стихи писать», – передразнил Старцев своего спутника. – Так и скажи, мол, призвание у меня быть графоманом.

– Не совсем графоманом, меня Роман Лунин в Москву от Красногорского края отправлял, на Всесоюзное совещание молодых литераторов, вместе с долганской поэтессой Дусей Аксёновой и прозаиком Женькой Поповым.

– Незаметно было, чтобы вы со своим Женькой столицу нашей Родины удивили, а того и вообще в диссиденты записали, насколько я знаю.

– По Женькиной глупости и записали, в альманах «Метрополь», кажется, попал. Я тоже мог там оказаться, да только Попов мне говорит, что тебе, мол, рано. Ты лучше съезди в магазин на Горького, теперь она Тверской именуется, да купи себе пишущую машинку, а то пишешь чуть ли не гусиным пером, а в редакциях таких Несторов-летописцев не уважают, только если сильно талантливый, тогда, может, и пропустят.

– А ты, Ветла, видать, не сильно талантливый, если вместо того, чтобы народу глаза в забугорных альманахах открывать, за пишущей машинкой на Тверскую попёрся. – Старцев сосредоточенно крутил баранку своей «ласточки» и не упускал момента подтрунивать над невезучим поэтом.

– Я вообще считаю, что меня не столько Попов, сколько Бог отвёл от этого диссидентского альманаха. У Женьки потом набор его книги рассыпали. Из Союза писателей попёрли, не знаю, как он все годы до перестройки жил.

– Не знаешь, зато теперь Попов на коне, а ты по-прежнему у литературных мэтров на побегушках бегаешь, – усмехнулся Старцев, сбрасывая газ, потому что уже въезжали в город.

– Где ты видел в нашей дыре литературных мэтров?

– Ну, не у литературных мэтров, так у Минкульта на коленях каждый сборник выпрашиваешь, а они тебя пинают под зад и делают вид, что такого литератора, как Андрей Ветлицкий, не знают.

– Потому что я перед ними не пресмыкаюсь.

– На здоровье. К памятнику Пушкина, на Тверской, небось подходил, примеривался?

– Подходил, но не примеривался. Нам на Пушкина ровняться рановато.

– Или уже поздно, где тебя высадить, светило ты наше литературное?

– А хотя бы и здесь. – Ветлицкий облегчённо вздохнул. Прямолинейность Германа действовала ему на нервы. «Если такой правдоруб, то не блуди по тайге в поисках того, чего не терял, а твори во славу родного Отечества, – высокопарно думало «литературное светило», – бери пример с того же Василия Пескова, сумел же рядовой журналист подняться до уровня...» – дальше Ветлицкий не мог сообразить, до какого же уровня поднялся автор «Таёжного тупика», если после его очерков о таёжных отшельниках почти все они вскоре повымерли один за другим. То ли им инфекцию посторонние люди занесли, то ли ещё по какой причине, но в живых осталась одна Агафья Лыкова, и то потому, что над ней кемеровский губернатор личное шефство установил. «Лыковы, ладно, а вот как бы теперь от предложения Германа отбойриться? – думал Андрей, отправляясь к себе, верней, на квартиру своей второй жены Валентины Дмитриевны, тоже учительницы литературы. – Правильно Валя говорит, что давно пора перестать за этим Германом таскаться, потакать осуществлению всех его авантюрных планов. Пускай кемчугский егерь выгребет своё золотишко из тайника, а дальше что? По виду не скажешь, что Иван Тимофеевич простак, физиономия та ещё. Станет он с нами по-честному делиться? Нет, не станет, сунет, скорей всего, как собакам кость, если вообще не пошлёт куда подальше».

Прохожие с удивлением поглядывали на странного пешехода, который, идя, разговаривал сам с собой чуть ли не в полный голос. Андрей тоже стал замечать за собой такую привычку, но избавиться от неё не мог, да и с кем ему было разговаривать: жена если не на работе, то вечно за школьными тетрадами просиживает; с учениками, с которыми он репетиторством занима-

ется, тоже не поговоришь по душам. Вот и бубнишь сам себе под нос, сам с собой, чуть ли не вслух, мыслями делишься, а всё почему, да потому, что пора своей головой больше думать. Не зря Валентина говорит, что Герман на меня плохо влияет. Герман – плохо, а кто хорошо? Вспомнилось, как по подсказке Мирры Нестеровны попёрся в Магинск, к этому комсомольцу бывшему, Грине Сапрыкину. Был в той поездке и свой плюс, навестил город детства. «Ах, детство, золотое колечко, давно пора, а с пальца жалко снять, – как говорила одна даже не поэтесса, а поэтка, но ведь кому-то пришлось по душе её бесхитростные строки. – Есть милый дом, над голубою речкой, да где теперь ту речку отыскать?» – У него тоже некогда был «милый дом, над голубою речкой», и дом был и речка, тогда ещё голубая, как мечта, бабушка была в его детстве. Дом большой, старый, чем-то напоминающий наседку, громоздился нескладно на окраинной, пристанской улице. Та улица, – насколько помнил Андрюшка, – кособока, отчего на одной из обочин в дождливый день вечно торчали телеги несчастных возчиков. Мальчишке нравилась их улица, зигзагом сбегаящая к пристани, нравились летние речные сумерки с первой звездой над плёсом, далёкой, как огоньки бакенов на излуке, с простенькими и ржавыми, как бабушкин угольный утюг, катерами в затоне. Андрейка вечно сидел бы вот так, на лавочке, у ворот, вжимаясь в тёплые, накопившие за день солнечного тепла доски. – Неужели это всё было когда-то в жизни у Андрея? Иногда за бабушкой заезжал на телеге её деверь Николай Фёдорович и увозил на соседнюю улицу, погостить:

– А то моя Ганна совсем без тебя, Степановна, заскучала. – Только гостевание это продолжалось недолго, уже на следующее утро скрип старой телеги и переступание конских ног за забором извещали, что бабушкино отсутствие закончилось.

С приходом бабушки день наполнялся счастьем и радостью, как наполняется вечером пузатая стеклянная банка шипучим парным молоком. Молоко давала Майка, облезая, с рыжими подпалинами на боках корова – предмет бабушкиных забот и огорчений. Андрейке казалось, что Майка старее самой бабушки, а та до того привыкла к корове, что представить их порознь нет никакой возможности. Корову выгоняли пастись на луг, или как его звали, – болото. На болоте росла плохая трава – куриная слепота и пикульки.

Любимым занятием бабушки были воспоминания об Андрейкином отце: «Отец твой на трубе хорошо играл, семнадцать вальсов знал. Да ты не кивай, не кивай, ты его уже не помнишь, отца-то. Бывалоче, на пристань из колхоза, где Андрей Харитонович председательствовал, приедете, ты зараз ко мне притулишься, тихий такой – всё пряник мусолишь, а он строго так спросит: «Бабушку угостил?» – Ты и тогда уже хитрющим был: «Я ещё маленький!» – Харитонович посмотрит на меня и с укором скажет: «Ты не маленький, ты дурный», – так и скажет. – При воспоминании об отце у Ветликого, уже нынешнего, всегда пересыхало в горле, не мог он простить ни матери, ни деду, что в результате той давней ссоры не стало отца. Всем, кто был тогда за столом, отмотали на всю катушку, указы в ту пору были строгие, срока большие, и амнистий близких не предвиделось, а значит, внук плавно перешёл под воспитательное крыло бабушки, то есть переехал в Магинск на постоянное место жительства. Надо сказать, что бабушка эта не была Андрею родственницей. Когда-то они со своей семьёй перебрались из Рассеи в Магинск. Бабашка работала на заезжей от колхоза, в котором председательствовал Андрюшкин отец. Так они и познакомились, однако бабу Дусю Ветлицкий всегда считал родною, и когда встал вопрос, кто же возьмёт опеку над маленьким сорванцом из деревни, что в тридцати верстах от города, бабушка вцепилась в сироту, как в самое близкое существо. С тех пор городская окраина, дом на пристанской улице и чужая бабушка стали для маленького Андрюшки своими. Бывало, после обеда новоявленный внук лежит на широком крыльце, бабушка сидит подле, а за её спиной облака плывут, как белые гуси в сказочную страну, и если сильно скосить глаза, то, даже лёжа на спине, можно увидеть за рекой, над берегом сосновый бор – тёмный, угрюмый, из давней малиновой сказки. Бабушка занята вязаньем, но для настоящего дела она стара, и тонкие вещи, похожие на те, что доставала из сундука, вывязать

не может, а потому вяжет из ссученных тряпок круглые коврики под ноги. Вяжет эти круги, выводит бесхитростные узоры и рассказывает:

– Твой отец душевный человек был. Мы с ним народные песни часто пели, с Андреем Харитоновичем, я запою, а отец твой слушает, не вступает, а вскоре не выдержит: «Куда, Степановна, забралась», – только и скажет, а дальше уже сам ведёт.

Бабушка, склонив голову, тоненько напевает что-то грустное, длинное, пока слезинка по щеке не скатится чистая-чистая. Андрюшка удивляется: глаза у бабушки мутные, кисельные, а слезинка чистая, и щека, по которой она катится, морщинистая, загорелая, а всё одно чистая.

Щека у бабушки крепкая, руки тоже неслабые, но самая крепкая у бабушки нога. Нога эта – тайная зависть Андрюшки, блестящий, поскрипывающий кожей и стяжками протез скрыт под толстым бабушкиным чулком. Внучок недоумевает, с чего это бабушка жалуется на свою ногу. Сколько занятий можно проделывать с ней: смазывать по вечерам вазелином из маленькой, закрытой пергаментом склянки, ключиком подтягивать блестящие гайки, вырезать и подкладывать в железную пятку резинки и кожины, наверное, чтобы меньше эта самая железная бабушкина нога скрипела. Будь такая нога у Андрея, можно было напоказ крепко постучать палочкой по ноге – и нисколько не больно, или, на удивление соседским мальчишкам, поковырять сквозь чулок шилом, потому что нога как настоящая, но он жалеет бабушкину ногу и вечером, когда бабушка, отстегнув её, тяжело мнёт руками бесчувственную покрасневшую култышку, Андрейка осторожно гладит ничейную ногу, гладит и уже не завидует бабушке.

С приставной ногой много не набегаешь, и поэтому бабушка частенько посиживает за воротами на лавочке и, низко склонив голову, черкает палочкой по песку. Степенные пристанские возчики знают бабушку.

– Сдарова, Степановна, – рычит чёрный перс Замон.

– Здравствуйте, здравствуйте, – кивает головой бабушка. Она жалеет перса и немного стесняется его. – Дюже далеко залете, – говорит она, как бы в себя, и гладит внучонка по голове, а ему так охота прокатиться в телеге, но ни за что на свете не сядет он в страшную персову колымагу.

– Бабушка, бабуш... – тербит он бабушку, – а чего ты жалеешь Замона? Он страшный такой. Ехал бы к своим персам.

Андрей не понимает, как можно, имея такого коня, не уехать куда-нибудь далеко, тем более в Персию, там, говорят, слепое солнце и сахарные финики растут прямо на деревьях. То, что финики растут прямо на деревьях, ставит под сомнение всю историю с Персией, но тогда откуда же взялся лохматый загадочный перс Замон? Тот хоть и перс, но очень сильный. Как-то Андрейка бегал потихоньку от бабушки на пристань, собирать жестяных пробок от выпитого народом пива и видел, как перс снимает с телеги пузатые, перетянутые широкими, как солдатские ремни, обручами бочки.

«Ишь ты, паровик!» – восхищался мальчишка и нарочно крутился возле ларьков. Посещение пристани – для Андрюшки праздник. Баржи, катера, пароходик, трапы, чемоданы, торговки зелёным луком, вертлявые незнакомые парнишки, лошади, пассажиры – всё визжит, свистит, шлёпает и скрипит невообразимым образом, а солнце так раскаляет ревуший воздух, что спасу нет.

«Персия, чисто Персия!» – восхищается мальчуган. Ему хочется везде успеть, посмотреть на пароход и гульбу развесёлых грузчиков, вихрем промчаться мимо ошарашенных горластых торговки и, заглянув в кособокое окно парикмахерской, соорудить рожицу забулдыге Иоське. Хоть разорвись, а пристань шумит, как дивная Персия, кажется, даже финиковые пальмы зацвели меж бесчисленных пыльных акаций на берегу. Даёшь финики, Персию, солнце! Да здравствует чудесный и страшный перс Замон!

Вспомнив Замона, маленький нарушитель устава пристанского дома, как подстёгнутый, кидается обратно. Звёздчатые жестянки болтаются под рубахой, карябая живот и выстукивая

бесшабашный пиратский марш. Завидев несущегося домой внука, бабушка приподнимается с лавочки и грозит ему палкой.

– Бабушка, там перс, парходы, пробки, – визжит от восторга Андрейка и подбрасывает в воздух целую горсть блестящих сокровищ от пивных бутылок.

Бежит время. Растёт Андрюшка незаметно, но быстро. Взрослея, отодвигается от бабушки, свыкаясь с её нешумным существованием. Потом уезжает и как-то незаметно теряет бабушку из виду. Бабушка давно умерла, но странное дело – всё сильнее тревожит его голубая страна, в которой остались и чёрный перс Замон, и шумливая летняя пристань и милая-милая бабушка, забывшая на белом свете лишь свою деревянную ногу.

Глава 9. Новый поворот

Окно кабинета начальника безопасности компании «Золотой пояс» выходило на школьный двор. Хотя занятия в школе уже набирали полную силу, клёны в школьной ограде ещё редко роняли резные листья, но Ждан Сергеевич намыривая песню о жёлтых листьях, которые, кружась, под ноги ложатся, с нетерпением барабанил пальцами по стеклу, ожидал своих подчинённых. Первым появился Гоша Смык, причём это была его законная фамилия, за ним подтянулось ещё человек пять, последним в кабинет скользнул Толик Димаев. Для незнающего вполне сошёл бы за школяра, но этому сыскарю уже было около двадцати и по нему сильно скучала армейская казарма, а пока он дожидался повестки из военкомата и числился на побегушках у Ждана Сергеевича.

– Кажется, все собрались? – Хозяин кабинета с места в карьер стал внушать о бдительности и секретности работы в компании, мол, много у нас идёт сверх всяких нормативных актов, ещё больше мимо официальных органов и совсем уже в нарушение всех экологических норм. Собравшиеся слушали вполуха, а когда пришло время покидать кабинет, начальник тормознул Димаева.

– Ты последним пришёл, последним и уйдёшь, – нарочито громко объявил он Толяну, – что с нашим подопечным?

– А ничего, раскрыли меня и выловили.

– Кто выловил: учитель или журналист?

– Оба сразу поймали, – не стал выкручиваться горе-сыщик. – Я за учителем нацелился следить, а тот, который из «Енисея», за мной, и накрыли.

– Даже так, а я думал, что здесь без хлопот обойдётся. Как-то не верится, что они с бухты-барахты на нашу фирму глаз положили, от кого-то копают, сейчас каждый второй норovit подсидеть. Значит, правильно Григорий Николаевич меня сориентировал. Старый комсомольский функционер, бдительности не теряет, и нюх у него ещё тот.

– Какой бы у него нюх ни имелся, только мне за двоими не уследить, тем паче у того, который в «Енисее» работает, машина под задом имеется, «Нива» вишнёвая. Из редакции выйдет – и уже его нет.

– «Нива», говоришь? – Начальник охраны задумался. Ты номер у этой «вишенки на торте» срисовал?

– Всё путём.

– Хорошо, что хоть здесь ты не лопухнулся. Посиди-ка в коридоре, пока я со знакомым гаишником перетолкую.

Телефонный разговор со знакомым у начальника охраны «Золотого пояса» был явно не в пользу Старцева, и уже через пару дней Герман ходил без водительских прав и документов на машину, что делало его поездку с Иваном Тимофеевичем к давнишнему схрону с лыковским золотом почти невыполнимой, но, как известно, безвыходных ситуаций не бывает, или почти не бывает, так и с заначкою кетчупского егеря.

Герман сразу сообразил, раз машины у него нет, надо искать человека, у которого машина есть. И вездеход, подобный старцевскому, был у школьного преподавателя физкультуры Николая Алексеевича, который всё с тем же собкором и Ветлицким уже провернул вылазку к «захо-ронке» в охотничьем домике на коняевской заимке. То, что физрука удастся подбить на осуществление подобной авантюры, Старцев не сомневался, но ехать целой «цыганской свадьбой» на такое непонятное дело было и рискованно, и нецелесообразно. Лишней фигурой в их компании, как ни крути, оказывался Ветлицкий, один из самых закоренелых неудачников, а в данном случае ещё и лишний пассажир, присутствие которого было для Ивана Тимофеевича не

только необъяснимо, но и подозрительно. Хотя согласие физрука в таком мероприятии также ещё не обсуждалось.

Николая Алексеевича закопёрщик рискованного дела нашёл в спортзале. Там уже с большим опозданием заканчивался ремонт, и физрук громко покрикивал на рабочих, которые натягивали предохранительные сетки на окна.

– Пошевеливайтесь, работнички, дожди начнутся, где проводить занятия, на дворе?

– Можно и на дворе, – ответствовал один из рабочих. – У нас никаких спортзалов не было, и, как видите, покрепче нынешних хлюпиков выросли.

– Да вижу, – вздохнул физрук, еле сдерживаясь. – Сейчас ежеминутно курите, летом ежедневно пьянствовали.

– Как платят, так и работаем, – огрызнулся один из рабочих.

– То-то завхоз с вами согрешил, на мой характер вообще бы вам не платил.

– Зря ты, Алексеевич, трудовой элемент обижаешь.

– Прежде говорили – рабочий класс, а сейчас замаскировались. Тебе чего, Герман Николаевич?

– Выручай, Николай Алексеевич, остался я безлошадным, а дело отсрочки не терпит, да у вас учебный год уже набирает обороты...

– Никак машина нужна, а что с твоей-то случилось, новёхонькую покупал?

Старцев изобразил грустную мину:

– Машина целёхонькая, на ходу, а прав и документов на неё не имею.

– Как это тебя угораздило, вроде опытный водитель да и лишку за рулём себе не позволишь?

– Тут всё проще пареной репы, написал я очерк о бизнесмене Григории Сапрыкине, верней, о деятельности его предприятия «Золотой пояс», а Гришка подумал, что я собираюсь экологов на него награвить. На кой мне этот «комсомолец» сдался?

Рабочие бросили натягивать сетки на окна и с интересом прислушивались к беседе двух заговорщиков. Один даже нацелился закурить.

– Курить на улице! Сто метров от школы, по инструкции. – И уже к Старцеву: – А машина-то здесь при чём?

– Да машина действительно ни при чём, давай-ка выйдем в коридор, а то у тебя здесь эхо, как в горах.

В коридоре всегда такой опытный и умелый трепач, как Старцев, запинаясь и перепрыгивая с места на место, поведал изумлённому физруку одиссею Ивана Тимофеевича. Спортивный организатор, несмотря на ужимки и прыжки ушлого корреспондента, сразу ухватил суть вопроса:

– Предлагаешь со стариком до того места прокатиться, где он лыковское золото прикопал?

– Именно.

– А кто ещё будет?

– Кого нам ещё надо? Ты да Иван Тимофеевич. Я сначала Ветлицкого для подстраховки позвал. Плотников, хотя уже в годах и ноги его подводят, только кто знает, что старик может ещё отчебучить? Тайга, она звонить во все колокола не будет.

– Плохо, что гаишники у тебя документы на машину изъяли, могли бы и на твоей скакаться.

– А что, твоя не на ходу?

– Почему же, старьё – оно и в Африке старьё, только пока лучше многих новых работает.

– Ты сам-то, если в тайге задержимся, договорись с директором.

– Договорюсь, у меня ещё отгулы за ремонт во время отпуска имеются.

Иного исхода разговора от понятливого и делового физрука Старцев не ожидал, зато Ветлицкий даже обрадовался, когда узнал, что надобность его присутствия в путаном, со многими препятствиями, деле отпала. Андрей уже прикидывал, как он будет врать и изворачиваться перед женой, да и куш от малознакомого егеря его не привлекал. Одно дело – найти клад и совсем другое – чужое, государственное, считай, золото у старика отхапать. Всё-таки недра у нас пока под охраной, и ты пойдёшь докажи, что намытое по ручьям и таёжным речкам золотишко когда-то принадлежало таёжным отшельникам на вполне законном основании. Словно тяжеленую ношу сбросил с плеч школьный репетитор и литератор Андрей Ветлицкий, а что до неожиданной возможности разбогатеть, то через золото богатство всегда кровью пахнет. Валентина тоже одобрила решение мужа не ехать «...с этим проходимцем Старцевым», – как она выразилась. – Наконец-то ты самостоятельно распорядился собой и своим временем. С Германом ваша дружба до хорошего бы не довела, я тебе уже сто раз об этом говорила. Как вас ещё тогда, на реке, бандиты не уколошили? – Обрадованный отставник едва ли не заново стал пересказывать свои приключения с Германом Старцевым, высказывая все свои затаённые обиды на собкора, перечисляя эпизоды, которые случились с ними в тайге, как он подстраховывал Геру, как тот повис на страховке, и даже про то, как неведомо для себя оказались они возле незнакомой реки. Когда дело дошло до описания стычки с двумя бандитами, Валентина неожиданно проявила интерес.

– С этого места попрошу поподробней, господин изыскатель.

– Почему это я изыскатель? – удивился Ветлицкий.

– А как же, ведь вы тогда со Старцевым в пещеру за сокровищами двинулись.

– Какие там сокровища, в той пещере Старче ружьишко своё оставил и радиоприёмник транзисторный. Правда, кое-что из награбленного он всё-таки притаил, до сих пор со мной не рассчитался.

– Напомнил бы.

– Напоминал, да у того старая песня: жена, спиногрызы... короче, едва ли не я должен был ему приплатить за удовольствие путешествовать по следам Ваньки Збруева.

Валентина испытующе посмотрела на мужа:

– Послушай, а почему ты в сторону свалил, когда дело до встречи с бандитами дошло, кто они, какие?

– Ничего интересного. Один такой патлатый, я его знаю, Крот. Он с левашовской шпаной ко мне домой заявились, бумаги требовали.

– Что за бумаги? – Жена с недоверием посмотрела на Андрея.

– Да я к Орлову ходил, денег думал на сборник выпросить, а у него компромат на конкурентов был, вот он и опасался, как бы не выкрали из кабинета, а его самого не уколошили ненароком. Прислуга тогда была вокруг ненадёжная, все ещё от прежнего губера остались, киллеры тоже шныряли повсюду. За деньги готовы были родную мать прикончить, не то что какого-то кандидата в губернаторы. Я и предложил у себя компромат на конкурентов спрятать.

– Ох, ты какой смелый, а так и не скажешь.

– Смелость здесь ни при чём, я ему рукопись сборника показывал, а кто-то усёк, там и заместитель его был, и Магда на лестнице встретилась, короче, утечка якобы случилась.

– В третий раз съезжаешь, – вернула Валентина своего мужа к встрече на речной отмели.

– Сама же и отвлекаешь. Так вот один – Крот, а второй здоровый такой амбал, в клетчатой кепочке, осенней куртке, я его не знаю, но с ружьём детинушка. Нас на «мушке» с Германом держал.

– Зачем вы им?

– Не знаю, может, на еду нашу позарились, а может, за свидетелей приняли. Мы к тому времени уже на одного студента убитого наткнулись и на вещи их: палатку, спальники...

– Как они вас тогда не ухлопали?

– Вполне могли. Амбал-то даже выстрелил, но промахнулся, а тут на отмель вертолёт МЧСовский вывернул. Бандиты в бега, а мы со Старцевым спаслись благодаря такой оказии.

Валентина покачала головой:

– Да-а-а, если этот второй, с Кротом, тот, о ком я догадываюсь, то вы, действительно, счастливо отделались.

– Думаешь, что бандюки серьёзные?

– Думаю, да.

– Ты тоже их знаешь?

– Откуда. Ладно, давай обедать, а то скоро вечер, а мы только про еду вспомнили.

Было видно, что Валентина неожиданно потеряла всякий интерес к разговору, правда, потом вскользь поинтересовалась, мол, куда те двое делись?

– Наверное, сбежали, – пожал плечами Ветлицкий. Там из вертолёта такие парни с автоматами выпрыгнули, что с ружьём, как говорится, против лома нет приёма... Я с майором Бережным и его ребятами ещё одну ночь на Шоше ночевал, а Германа сразу эвакуировали в больницу, с его повреждённой рукой. Врач у эмчезсников был, опасался развития у Старцева гангрены.

– Почему одним рейсом не улетели, или вертолёт небольшой был?

– И вертолёт вместимостью не очень, и труп студента вместе со Германом загрузили.

– Прямо целое побоище у вас на той речке случилось. – Валентина тяжело вздохнула и пошла на кухню, а участник той битвы подумал, что интерес женщины к случившемуся был совсем не подделен, а жену нашего путешественника весьма озадачил рассказ Андрея о двух встретившихся им в тайге налётчиках. Она смутно подозревала, что если один из них Крот, то второй, по всем описаниям, был похож на её первого мужа Петра Першина, того самого десантника и рубаху-парня, которого она хоть и ждала с армии, но так бездумно и поспешно разбежались, хотя это просто к слову, жили они тогда не ахти как, но если у Петрухи и появлялись деньги, то им Валентина была совсем не рада. За обедом или уже за ужином Валентина жалостливо посматривала на голодного мужика и на вопрос последнего, с чего это жена так расчувствовалась, умело ушла от ответа, предложив очередную вкуснятину.

– Ты ешь, ешь, Андрюша, и меньше думай о плохом, – заговаривала зубы Валентина Дмитриевна мужу. – И всё-таки хорошо, что до смертоубийства у вас тогда дело не дошло.

– Куда уж лучше, небось у этого амбала в стволах не последний патрон был, да и свидетели их безобразий мы были совсем нежеланные.

Хорошо подзаправившийся Андрей сразу отвалился ко сну, а Валентина с ним в спальню не пошла, отговорившись тем, что у неё ещё много непроверенных тетрадей, а завтра внеплановая учебная проверка и получать выговоры от администрации она совсем не намерена.

Часть 2

Глава 1. Дорога на абазу

1

До настоящей осени было ещё далеко, но здесь, в предгорьях Саян, она уже пробовала заявлять о себе, и не только пересохшими листьями, которые время от времени залетали в приоткрытое окно машины школьного физрука, не только появлением желтоватых проплешин в необозримом пространстве бурой тайги на склонах покатых холмов, а и начинающей подгорать степью, которая удивляла и словно манила упругим, очищенным недавними дождями, целебным воздухом притаёжных просторов. Позади остался душный, с его прогорклой, застоявшейся атмосферой город, с его автострадами и извечным визгом автомобильных тормозов, с толчеей у переходов, замордованных цивилизованной жизнью горожан, зато впереди у троих сидящих в легковом автомобиле мужчин было счастливое, а оттого ещё более манящее и притягательное безбедное существование. О чём думали сидящие в машине люди, что они желали заполучить? Если Иван Тимофеевич был просто обеспокоен, коль ему не удастся отыскать утаённое от единоверцев золото, то двое оставшихся не хотели покоряться судьбе и так просто отказываться от доли причитающегося им богатства.

Чем дальше наши охотники за мифической жар-птицей удалялись от города, тем больше оттаивали их зачерствевшие в суете и заботах о выживании повреждённые души. Несли ли они их Богу, втайне друг от друга читая про себя молитвы, или делали это всего лишь по привычке, было неясно, а между тем подтаёжное степное пространство, по которому стрелой убежала туда, по-настоящему к суровым горам, дорога, было утыкано по обочинам скоплениями каменных изваяний, словно единожды закаменевшими, без рукоятей, мечами. Это были либо надгробья на могилах суровых воинов, либо менгиры и по их многочисленным скорбным силуэтам, рассыпанным по уже засыпающим полям, но батыров, видимо, здесь полегло немало. Они словно предупреждали охотников за несказанной, обещанной добычей, не всё так просто, как им бы хотелось, что бывали и до них добры молодцы, которые в погоне за мифическими богатствами сложили свои головы, правда, к погибшим богатырям это не относилось, те погибли за права своего народа на свободу и мирное сосуществование.

Ехали молча, наконец Старцев, считающий себя главным в организации этой поездки, словно скинул ненужное оцепенение и глядя в сторону от убегающей дороги, произнёс:

– Как хорошо-то, братцы.

– Что хорошо и где? – тотчас отозвался физрук, не отрывая прищуренных глаз от асфальта дорожного покрытия.

– Хорошо, что едем почти налегке, что не обременены повседневными мелочными заботами о брэнном существовании, правда, продуктов надо было взять побольше. Как говорится, запас карман не трёт и вся надежда на таёжные навыки Ивана Тимофеевича.

– О средствах самозащиты тоже не подумали, – подхватил Николай Алексеевич.

– От кого это вы, парни, собрались отбиваться? – поинтересовался молчащий до сей поры и придрёмывающий старик. – Тайга, она шуму и суеты не терпит. Вольётесь в её мир, шкурой прочувствуете всю его неприязнь и доброту, тогда и речете, хорошо вам в нём или плохо.

– Ты, Тимофеевич, привык к лесному одиночеству, к философствованию наедине с природой, а мы – дети цивилизации. Для нас обмен информацией друг с другом – постоянная, насущная, если так можно сказать, необходимость, – возразил начитанный журналист.

– Эх, паря, всё это красивые слова, а действительность, она и грубее, и жёстче ваших представлений о ней.

Свободный от управления машиной, Старцев был не прочь подискутировать с егерем:

– Грубее и жёстче – это кому как. Вот тебе, Тимофеевич, с большими чинами случалось общаться, ублажал их раскормленные утробы всяческими лесными деликатесами, а чем они тебя отблагодарили? Вышвырнули, как негодный элемент, за ворота и створки на шеколду закрыли.

– Мне их благодарности ни к чему. Угодил деловым людям, у них тоже свои заботы, свои планы, и они на своей работе ответственность немалую несут, а я накормил их сытно, уже хорошо. Вспомнят за ужином под коньячок-шашлычок, как в песенке про город Сочи...

– Да ты, Тимофеевич, и в современной эстраде толк знаешь?

– Я ихних песенок наслушался.

– И всё-таки остался ни с чем. У Замаева – генерального директора вашего завода, и квартира в двух уровнях, а захоти, так и коттедж себе отгрохает, и жена на личном «ситроене» раскатывает по городу, «менты» ей честь отдают, у меня же не только права, но и документы на машину забрали, почему? Потому что Гришке Сапрыкину, сидящему на золотой жиле, показалось, мы под него с Ветлицким копаем. У того что отберёшь? Гол как сокол, а у меня колёса, лишил мобильности, а то рассекали бы мы с тобой сейчас на новенькой «Ниве», не в пример этому тарантасу.

– Брось, Герман Николаевич, задаваться, машина почти новая, твоей не уступит. – Физрук пошёл на обгон какой-то «газели», но та сдаваться не захотела, и так они гонялись минут десять, пока впереди не замаячил железнодорожный переезд.

– Смотри, Алексеевич, а то нарвёшься на гаишников, здесь у них явно видеонаблюдение.

– Стреляного воробья на мякине не проведёшь, – огрызнулся разгорячённый погоней учитель. Так и не обогнав занозистую «газель», далее физрук вёл машину спокойней, не дёргался и не вставлял колючих реплик, чем позволил Старцеву развернуться на полную катушку:

– Наше общество как устроено, – философствовал собкор, – возьми газету, в которой я горбатился достаточно, чтобы хоть как-то выделить и отметить меня.

– Как тебя отметить, корреспондента? – усмехнулся Николай Алексеевич. – Дадут похвальную грамоту ко Дню независимости – и радуйся, посапывая в тряпочку. Тимофеевич побольше тебя пользы для людей приносил, и то никто не посчитался ни с его годами, ни с его стажем.

– Закормил он замаевскую челядь, вот они, сытые да неблагодарные, и не заметили, какого человека от себя отодвинули, а как награду не то что ему – себе отрыли котлован под химические отходы чуть ли не рядом с дачей, не посчитавшись ни с чем. – Старцев перекинулся к рассуждениям о широте сибирской природы, о всепрощенчестве и вообще чуть ли не в толстовство ударился, вспомнив его непротивление злу.

– Ты нам ещё лекцию на тему «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов» прочитай. Небось сейчас чуть ли не на каждом шагу Бога упоминаешь? – Физрук впервые позволил себе оторваться от дороги и осуждающе посмотрел на сидящего рядом собкора. – В суе упоминаешь, нехороший человек.

– Да все мы марксистско-ленинскую философию в институтах изучали.

– И доизучались.

– А вот здесь я с тобой могу поспорить. – Старцев откинулся на сиденье. – Все изучали, а не все атеистическое планирование в классных воспитательных планах по колонкам разносили...

– Тоже мне, нашёлся праведник, чем упрекнул.

Скорее всего этот бесконечный спор о высших материях продолжался бы до бесконечности, но впереди замаячило большое хакасское село, центр целого национального района, и Старцев опять не преминул продемонстрировать свою осведомлённость:

– Когда-то здесь десяток юрт аборигенов стояли, потом царь повелел церковь соорудить, стал народец вокруг собираться.

– Прямо царь, позаботился, – не смолчал физрук.

– Хоть прямо, хоть криво, а теперь гляди, какое село, почти город – Аскиз, около сотни отмахали, и как это вы пёхом такие расстояния преодолевали, Иван Тимофеевич, здесь машины лишился, так чувствую себя словно не в своей тарелке?

– Мы привычные, на бензовозе верхом считали за счастье ехать.

– Допустим не верхом, там по цистерне трубы на всю длину проложены и трапы по низу приделаны, – высказал свои познания в таком способе передвижения физрук. – Ночевать-то здесь есть где, гостиница или ещё какой приют?

– Зачем нам гостинца, у меня в Аскизе единовец живёт.

– Сколько же вас, староверов, было? Вся Сибирь-матушка ссыльными забита.

– Прежде, Николай Алексеевич, все единой веры были, а потом, как реформу навели, кто несогласен был, куда попало раскидали. Ох, намаялся народишко. Здесь неподалёку, за Абаканом, село есть, по-теперешнему – Бондарево, так там старец жил, Тимофей, тоже ссыльный, а с самим Львом Николаевичем переписку держал.

– Что за Лев, да ещё Николаевич, неужели Толстой?

– Толстой и есть.

– Уважал граф простых людей, – проявил свою эрудированность Старцев. – Он ему книжку издал, на пяти европейских языках перепечатали, а всё почему? Потому что Бондарев труд простой, крестьянский уважал и призывал всех трутней, наподобие нас с тобой, Николай Алексеевич, землепашеством заниматься как основой всего существования человека.

– Ты ещё скажи, что труд учителя не нужен? – огрызнулся снова физрук.

– Учителя – нужен. Он сам как бы учителем был, для народа.

– А я учитель, по-твоему, для сопляков?

– Ты, Николай Алексеевич, лучше за дорогой следи, а то хотя здесь всего лишь райцентр, а служителей правопорядка хватает... Физрук, поняв бесполезность спора со Старцевым, переключился на Ивана Тимофеевича, у которого он поминутно консультировался насчёт места проживания его давнего знакомого, пока не нашли искомый адрес.

2

Плотниковский знакомый, оказалось, жил в просторном, рубленном из лиственницы пятистенке, который хозяином был не единожды перестроен и расширен дополнительно. Скорей всего, семья была у друга Ивана Тимофеевича немаленькая, а теперь, когда все разъехались, места для ночевальщиков и ещё два раза по столько вполне хватило б.

– Дому сто годков, а вдарь обушком по бревну, аж звенит, – похвастался вышедший встречать гостей владелец дома. – Дак это вы вовремя подоспели, моя Селестина к родне поехала, в Абазу, а я вот один домовничаю.

Хозяина крепкого строения звали Пантелеймон Прокопьевич, и он сильно смахивал обличем и повадками на Ивана Тимофеевича, хотя и был он, как потом выяснилось, лет на десять постарше своего друга.

– Вы не братаны, случаем? – любопытствовал Старцев у Плотникова.

– Все мы братья и сестры, – уклончиво ответил тот, и Герман больше с вопросами к мужикам не приставал.

Друг или брат Ивана Тимофеевича жил на окраине райцентра. Из разговора двух единовверцев стало понятно, что сам хозяин дома попал в село, верней, на шахту, которая была неподалёку, где-то в тридцатые годы, что вовсе не удивляло; Лыковы вот аж куда забрались, вёрст за четырёста в тайгу, так что Пантелеймону Прокопьевичу ещё повезло.

За вечерней трапезой разговор зашёл о таёжных промыслах. Иван Тимофеевич вопросы о добыче золота в здешних краях старался обходить стороной. Больше на прошлую жизнь старики налегали, и два слушавших их грамотея вынуждены были постигнуть чуть ли не всю историю возникновения Аскиза от конца восемнадцатого века до наших дней.

– Тут первоначально церква была Петра и Павла.

– Как в Петербурге, тоже Петропавловская крепость на Заячьем острове построена Петром, – уточнил Старцев.

– Ни тогда, ни сейчас без веры никуда.

– Как моя бабка говорила: «Без Бога не до порога».

– У старых людей свой устав был, – заметил Старцев.

– Устав был свой, а жили не хуже нашего, – процедил сквозь зубы физрук.

– По-разному жили, я тут одно время наладился своему единовверцу дом в Магинске помочь рубить, неподалёку от Пристани. Место хорошее, однако низковато будет. От болота дамбою невысокой отгорожено, – стал рассказывать, чтобы занять время гостей, Пантелеймон Прокопьевич.

– Чего же на болотине-то? – спросил Иван Тимофеевич. – Нечто получше выбрать не смогли?

– Не смогли, там город, чай, места все хорошие заняты, а и здесь ладком с Божьей помощью срубили, зато удобно. Хочешь на пароходе до Красногорска, а хошь до Дудинки. Тамошние жители приспособились помидоры растить, а в конце лета северяне у них ящиками скупали, зелёные ещё, бурые, пока везут, аккурат поспеют. Тогда ГЭСов энтих на Енисее не было, путь до самого Ледовитого океана открыт, вот люди на пароходах и наладились вдоль реки шастать, а где люди копошатся, там и жизнь: музыка с проходов на всю пристань играет, бабки на базарчике огородным овощем торгуют, инвалиды безногие на своих колясках меж ларьков шныряют, милостыню просят, а то на гармошках приспособились подавание зарабатывать, а к гармошке баночка консервная приспособлена. Кому жалко этот продукт войны, тот свои медяки, а то и серебрушки кидает. Тогда после войны таких болезных людей много по вокзалам да пристаням было. – Хозяин дома принялся рассказывать, как хорошо теперь земляку в Магинске жить. – А чего, на пенсии, запасётся дровами, у них там на подворьях и скотину люди держали, правда, в стадо гонять не близко и встречать надо, а если не встретишь, так сама приде, и стоит, мычит под калиткой. – Пантелеймон Прокопьевич посмотрел на молодёжь. – Корова, она умней некоторых молодых людей.

«Молодым людям» такое сравнение не приглянулось, и Старцев вернул хозяина дома к прежним воспоминаниям.

– На пристани рабочий люд проживал, речники: капитаны там, механики, и прочая пароходная обслуга, а на речном вокзале буфет был и столовая на набережной неподалёку.

– Мужик, которому дом рубил, – не кормил вас, что ли? – усмехнулся Иван Тимофеевич.

– Зачем не кормил, завсегда пожалуйста, а иногда захочется чего-нибудь из городских блюд или пивка, там ларёк был от местного пивзавода, хоть бочковое, хоть в бутылках. Даже дрожжи свежие продавали с местного дрожжевого заводика. – Старик тяжело вздохнул. – На дрожжах Мокей Иванович бражку ставил.

– К бражке ещё кой-чего требуется, сахар, к примеру, – уточнил физрук.

– Можно ранетки, картошку, даже на изюме годится. От них барда остаётся, свиней подкармливать.

– Выходит, ты, Пантюха, тоже на свово Мокея батрачил, как в старые времена? – Иван Тимофеевич сладко потянулся.

– В старые, надо полагать, установка была другая. – Физрук решил заступиться за разговарившего старика.

– Истину глаголешь, молодой человек, – подхватил хозяин дома. – У моего тятеньки несколько лошадей было, коровы, овцы. Бабка рассказывала, что мы батраков не обижали. Сами вместе с ними спины гнули и обедали вместе и без этого. – Старик выразительно прищёлкнул себя по горлу. Потому даже пьянчужки про зелье забывали.

– Зато теперь без бутылки дело стоит, как бельё на морозе, колом, – заметил Иван Тимофеевич. – Всё коллективизация, растакою мать, когда раскулачивали, то эти твои примерные работники первыми на хозяйское добро позарились. Ещё люди в доме, а голытьба уже сундуки кверху дном выворачивала да на себя всяческие хараборки натягивала. Забыл Пантюха?

– Почему забыл, мы как здесь оказались: отцовых мать и отца с вечера секретарь сельсоветский предупредил, мол, завтра вас кулачить будут. Дед говорит сыну: «Тикайте, а мы с бабкой останемся, пушай свет горит, вроде все дома! Наши детей в телегу покидали – и... только их и видели. На прииски подались, а потом вот сюда, Пантюхе, написали, а тот в ответ сообщил, что теперь по здешним местам госсовхозы открываются, леспромхозы. Людей безо всяких документов берут...

– Прямо без документов? – засомневался физрук.

– А хошь прямо, хошь криво. Деда с бабкой и с документами ажно за Ишим загнали, так и сгинули там.

– И не справлялись после? – Николай Алексеевич с сожалением посмотрел на рассказчика.

– Говорю же, сидели ниже травы, тише воды. – Пантелеймон Прокопьевич задумался, а потом продолжил: – Так и сгинули в Приишимье. Сестра наша младшенькая сильно работающая была, её за работу к ордену представляли, а бумаги подняли: шалишь девка, только на почётную грамоту потянула.

– Думаю её попроведовать. – Иван Тимофеевич устало расправил плечи. – Ксюшу нашу, она где-то на хуторе, ближе к Шории, замужем за шорцем Мухасом, и сама на их манер Сене прозывается.

– Ты на ноги скор, Иван, а я дальше нашего посёлка и не решаюсь передвигаться...

Старцев сразу накогтился, живой материал сам в руки плыл. Он старался не перебивать собеседников. Не каждый день так, без понуждений удавалась послушать о прежней жизни, но и тут внёс свою лепту:

– Люди, напуганные страстями былых годов: ежовщиной, бериевщиной, старались и через много лет держать язык за зубами, не давать волю своим суждениям о прожитых днях своей молодой жизни. Моя бабка рассказывала: «Выглянула за ворота, а мимо человек идёт, с лица – жёлтый и в чёрной бурке, это летом-то! «Дай, мать, водицы испить», – а бабка и спрашивает, мол ты кто? – «Я ежовец, – говорит, а там пойми, что за ежовец, тот, которого репрессировали, или тот, который сам людей мордовал». – Даже про войну фронтовики опасались рассказывать всю правду. Красногорский писатель Виктор Петрович Астафьев всё как есть описал, так его сначала ругать принялись, а потом спохватились, с чего мужика гнобили? Овсянку, малую его родину, взялись облагораживать, памятник ему с женой во дворе дома, где они жили, соорудили, а поодаль, над Енисеем, персонажу его повести «Царь-рыба» на смотровой площадке поставили здоровенную такую рыбину на подставке.

Наконец свидетели живой истории спустились с небес на землю, и разговоры пошли о таёжных промыслах, о таёжных байках и небылицах, собкор деликатно подкатился с вопросом, чувствовалось, что эта тема давно беспокоит Германа:

– Вы, Иван Тимофеевич, столько лет тайге посвятили, а как же медведи?

– Как медведи, говоришь, а никак, я заговорённый.

– Заговорённый? – переспросил Старцев. – И чем же такой феномен объяснить?

– Толкуется очень просто. Помнишь, Пантюха, в экспедиции девчонка была, совсем с виду пигалица. Вот я за ней и приударил. Девчонка словно шимела, на одном месте сорок дырок вертит. – Рассказчик внимательно посмотрел на внимающих ему слушателей. – Шалишь, думаю, деваха. Всё равно я тебя уломаю. Уведу в тайгу и сделаю так, будто заблудились. Нарочно в самую чащобу завёл. Страхи, знамо, всяческие придумываю. Выбрал место, где суше, а тогда ещё комар не поднялся, почти как сейчас...

Слушатели насторожились, только Пантелеймон Прокопьевич в бороду похмыкивает, вроде бы стыдится за друга.

– Завёл я её в самую чащу и делаю вид, что, куда дальше идти, не знаю. Вид-то делаю, а к рубашечке её под энцефалиткой руки протягиваю. Девчонка моя уворачивается. «Ладно, – решаю, – шалишь», и будто в сторону направляюсь от девахи.

– В сторону с энцефалиткой? – хохотнул Старцев.

– Не спеши, паря, но не в этом дело. Только я за куст заступил, а отседа навстречь, вот такая зверюга, как рывкнет. Ну, думаю, хана мне: отъелся бобик, жучка сдохла, и тут кто-то в ладоши захопал, не то чтобы громко, но медведь услышал. Глянул в ту сторону, где я деваху оставил, и ажно попятился.

– С ружьём девчонка была? – не унимался собкор.

– Какой там, говорю же в ладоши захопала, а медведь ещё разочек рывкнул напоследок – и тикать, только задок медвежий заподпрыгивал. Девчонка же хлопает в ладоши и смеётся. Допёр я умишком своим нескладным, что неспроста всё это, про хотелки свои забыл и пытать её стал, что к чему. – Иван Тимофеевич перевёл дух и снова за своё: – Девчонка мне объясняет, мол, заговорена я, Ваня, ни волк, ни медведь, да и вообще всякая лесная напасть меня взять не может.

Журналист с физруком как рты раскрыли, так и остались с раскрытыми ртами, правда, Старцев поинтересовался насчёт дальнейшего развития событий.

– А дальше стал я девку пытать, в конце концов открылась она мне и потом то ли в шутку, то ли на полном серьёзе предложила:

– Хошь, Ваня, я и на тебя заклинание положу, только чтоб оно силу набрало в твоём грешном теле, ты прямо с этого дня ровно полгода женщину знать не должен. – И положила мне ладошку свою махонькую на мою глупую черепушку, прошептала что-то, переспросив, мол, помню ли я про её наказ? Я, как истукан, башкой закивал, а она кофтёнку свою распахнула...

Старцев с физруком уши наострили:

– Да ты, Тимофеич, кладезь мудрости.

– Никакой я не кладезь, только смотрю я на её козьи грудки, а у меня после встречи с медведем не только ум отшибло, но и всё другое по мужской части.

– Дальше-то вытерпел полгода? – опять Старцева любопытство взяло.

– Вовсе и терпеть не пришлось. Полгода меня от женского пола, как от рвотного зелья, воротило, зато после...

– А медведь?

– Медведи меня за версту обходят. Жаль, что у Пантюхи жена уехала, мы бы с ним по тайге прогулялись, навели шороху.

Пантелеймон, слушая повествование своего друга, только похмыкивал, а Старцев подумал, что если бы мужики курили, то самое время завернуть сигарки и, пуская дым к потолку, продолжить травить байки. Правда, физрук решил слегка Старцева уесть, словно отыгрываясь за его прошлую болтовню по дороге к Аскизу:

– Слушаю я тебя, Герман Николаевич, ты как будто родился среди кержаков.

– Да, наша фамилия среди староверов известная.

– Фамилия известная, а с чего они тебя Германом назвали, вообще ни в какие ворота не лезет?

– Германом – это в честь космонавта номер два – Германа Степановича Титова. Тот тоже нашенький, с Алтая.

– Не скажи только, что и он из семьи староверов.

– А вот чего не знаю, того не знаю. При коммунистах на этот счёт сильно-то не распространялись.

– Знаю, вот, казалось бы, к Гагарину, какие претензии. – Физрук даже сел на кровати. – Так нет же, за кордоном пустили слух, что наш Юрий Алексеевич не сын плотника, а самый что ни на есть отпрыск княжеского рода Гагариных.

– Вы, отпрыски, спите! – прикрикнул Иван Тимофеевич на разговорившихся. – А то завтра вас не добудисься.

Переночевав в гостеприимном доме, мужики подзаправились хозяйскими харчами, свой запас съестного поберечь решили, неизвестно, где он, этот плотниковский схрон, и двинулись по направлению к Абазе.

– Наверное, самодийского происхождения названия этой Абазы, больно мудрёное, – поинтересовался далёкий от филологии физрук.

– Никакой самодийности, и даже не тувинского или хакасского следа, – блеснул своими журналистскими познаниями Старцев:

– Аба-за, значит, Абаканский завод, а вместе имеем то, что имеем.

– Выходит, что завод тут был, Тимофеич?

– Был, самый настоящий. Железную руду в горе добывали и плавил, ещё при царском режиме. Вьюшки печные, дверцы, колосники – всё делали, а потом, как «железку» пустили и потекло уральское дешёвое литьё в матушку-Сибирь, так местные ковали разоряться стали, правда, в Магинске, слышал, остался завод «Металлист», и тот, надо думать, скоро скукожится.

Физрук в полемике не участвовал, начались перевалы и петлять пришлось по трассе, как заправским каскадёрам.

– Отседа запросто на Ак-Довурак лыжи наострить можно, а это уже Тува.

– Так, может, нам в Туву надо? – поинтересовался начавший уже уставать от напряжения водитель.

– Никакой нам Тувы не надо, и даже до лыковской заимки нет нужды добираться. Вообще-то, там три пути: вертолёт, сплав по реке и...

– Третий-то какой? – опять залез со своим вопросом Старцев.

– А третий пешочком, пешедралом, – успокоил физрука Иван Тимофеевич, пока по асфальту катим, а скоро через тайгу ломиться придётся.

Глава 2. Ломится сквозь тайгу

На выезде из Абазы наших добытчиков тормознули на посту ДПС. Молоденький гаишник долго и придирчиво изучал документы Николая Алексеевича.

– Шишковать собрались? – задал он вопрос водителю, заодно поглядывая на сидящих в салоне.

– Да куда нам. Вот старик... – И кивнул на егеря. – С тайгой попрощаться решил.

– Не рано ли умирать надумал ваш ветеран, да и далековато вы его повезли. – Гаишник всё не выпускал бумаги из рук. – Ближе Абазинской тайги растительности не нашлось? Да и ваши места, насколько я понимаю, не пустыня.

– Ближе есть, но это места его молодости, вот и заскучал на старости лет.

Гаишник ещё повертел в руках документы и показал разрешительным жестом:

– Проезжайте, да соблюдайте правила пожарной безопасности в лесу.

– Он нас сфотографировал, – заметил Старцев. – Видели, как глазами зыркал, не знал, к чему бы придраться, на что физрук заметил:

– Захотел бы – нашёл причину.

– Знамо дело, вот мои же права изъяли и причину искать не стали, – вздохнул Старцев, хотя это даже и к лучшему. Ты, Алексеевич, опытный водила да и ловчее Ветлицкого. – И повертел перед носом физрука изуродованной рукой. – Видишь, как он меня на страховке подвесил, чуть всё мясо с кисти не снял.

– Тебе и самому не надо было ворон считать, – недовольно заметил физрук, потому что его «Нива» всё чаще начинала собирать выбоины на дороге, всё чаще стали попадаться заброшенные не то хуторки, не то заимки.

– Давненько тут не ступала нога человека, – отметил Старцев, обращаясь к Ивану Тимофеевичу.

– И хорошо, паря, и плохо, – откликнулся старик. – Наш промысел ни суеты, ни шума не любит. Однако пора выбирать место для ночёвки. Где-то здесь, неподалёку, должна быть саломатовская заимка. Вон Кызырган покраснел.

Прямо по ходу их маршрута высилась гора, вернее, утёс, который на глазах менял цвет: из малиново-серого становился малиново-красным, раскалившись в лучах заходящего солнца. Да что утёс, вся местность к вечеру преобразилась: там, где были пролески с осинкой и берёзой, посветлело, а где кучковались хвойные – кедр, сосна, ель – наоборот, стало сумрачней и суровей.

Ещё немного петляя, побуксовали, на горе Николаю Алексеевичу, и выехали к той самой саломатовой заимке, одинокому строению, проще – избушке, почти вросшей в землю, затянутой мхами и засыпанной листовным опадом. Подогнав машину ближе к избушке, стали осматривать место предполагаемой ночёвки.

– Почему эту заимку саломатовской прозвали? – спросил Герман, адресуя свой вопрос Ивану Тимофеевичу.

– Знамо дело, почему, здесь, по тайге, таких заимок, почитай, дюжину насчитать можно. Купца Саломатова хозяйство. На него все охотники мантулили: пушниной промышляли, орех били да и золотишком не брезговали. Поговаривают, что поумнее многих других был: средства от доходов в Парижский банк переводил, а переворот случился, ему оставалось только подпоясаться потуже – и за кордон. Да он, почитай, и проживал там.

– Действительно, ваш купец поумнее многих оказался, – бросил реплику физрук, – даже царя-батюшки.

Старцев, оглядывая окрестности, добавил:

– Работников-то своих бросил, оставил без средств к существованию.

– Средства, допустим, остались: ни пушной зверь, ни золотишко в воздухе не растворились, а иначе вздёрнули бы его эти самые работники на первой осине, как Иуду и кровопийцу. – Николай Алексеевич всё похаживал около своей «Нивы».

– Ладно, некогда рассусоливать, – прервал говорунов Иван Тимофеевич, – к ночёвке готовиться надо.

С большим трудом отворили осевшую и покрытую мхом дверь. Внутри не то что живым духом, а вообще, кроме сырости и затхлости, ничем не пахло.

– Охотников здесь уже лет десять как не было, значит, провиантишком не разживёмся, а что и оставалось, мыши источили, – по-хозяйски заметил Плотников.

Каменушку разжигали долго. Дым никак не хотел идти в дымоход, наконец камни прогрелись, и в трубе загудело.

– До речки здесь версты две, а то бы я вас ушицей угостил, – заметил Иван Тимофеевич, – у себя на Кетчупе такими деликатесами проверяющих удивлял.

За наскоро сооружённым ужином Старцев поинтересовался у старика:

– Вот говорил, что связей у тебя среди сильных мира сего немеряно, а скажи-ка, жена вашего гендиректора, как её – Татьяна... Сафонова, или Зимаева по новой мужниной фамилии, что из себя представляет?

– А ничего особенного, Герман Николаевич, несчастная женщина. Поговаривают, что её первый муж таксовал и разбился где-то под комбинатом, а второго, тоже таксиста, за наркоту посадили на много лет. На севера затурили, вот и осталась наша Таньяна Евгеньевна ни девка, ни баба, а соломенная вдова. Тут Зимаев на неё глаз положил.

– Как это тут? – удивился Старцев.

– Ну не сразу, она библиотекаршей вроде была, а их брат всегда на виду. Сразу видно, образованная дамочка. Сошлись они, как два одиночества, хотя, по чести сказать, Зимаев её жалел, да-да, жалел и на дочку её от первого мужа тоже влияние имел. Поблажки ей всяческие оказывал. Захотела девчонка в Тайланд, жене-то ещё туда-сюда, а слово падчерицы – закон.

– Так сразу и ездили.

– А что ему, гендиректору, кто укажет? Бывало, придут проверяющие из Москвы, замы там всякие, представители головной компании, дым, конечно, коромыслом, то один объект принимают, то другой, а Светке из ракетницы пострелять взбрело. Идёт с отчимом своим, стреляют, а то шкурами в избушках интересуются.

– Шкуры-то небось из Норвегии заказывали или Германии.

– Шкуры я им предоставлял, а выделка – это где-то на стороне. Её, шкуру-то, кроме всего прочего от вонючей звериной ослобонить надо, продезинфицировать, тьфу ты, слово-то какое, язык на три раза сломаешь, покуда произнесёшь. – Иван Тимофеевич уже намеревался укладываться ко сну, а Старцев всё наседавал:

– Шкуры, говоришь, Иван Тимофеевич, ты сам заготовливал, и как?

– Что как, небось видел, когда вечеринки их навещал.

– Да, у Зимаева широкая душа. Прибудем освещать их деятельность, никого не обидит, хотя при комбинате свой «Инфоцентр» был, действующий. Жена зимаевская и руководила в нём пропагандой.

Физрук в разговор не встречал, о директоре комбината он имел только поверхностное представление.

Когда Плотников вышел во двор, Николай Алексеевич заметил:

– Какой-то скрытный старикан, болтает обо всём, кроме дела.

– Здесь ты не прав, Алексеевич, лишний раз упоминать о том, что связано с золотом – табу. Это как о медведе в таёжной местности, как хочешь его называй, только не произноси настоящего имени. Предки наши лучше нас понимали что к чему, встречаясь с этим «Злым

духом Ямбуя», помнишь, как по кино. Оно и само-то названия этого лесного зверя до нас не дошло. Мед-ведь, то есть тот, кто ведаёт, где мёд.

– Ага, всё жрёт, что под лапу попадает, от ягоды до человечины... – Физрук ещё немного поворчал, и, поговорив о том о сём на отвлечённые темы, улеглись на полу избушки, который загодя закидали лапником и настелили сверху плащ-палатку. Когда укладывались спать, завели разговор о сумасбродстве здешних купцов.

– Что-то слабо верится, что мироед Саломатов большие доходы со своих промыслов имел, если такие избёнки по тайге ставил, – начал физрук, его пролетарское нутро никак не могло примириться с тем, что хоть как обеляло угнетателей народа. – Помнишь копытовские балки, или сгоревшую коняевскую хоромину.

Старцев устало возразил народному заступнику и обличителю творивших здесь беспредел богатеёв:

– Откуда тебе, Николай Алексеевич, известно, что у Коняева и в тайге были хоромы, если изба сгорела?

– Допустим, не просто сгорела, а сожгли, надо думать, в отместку, а что был тот лесной приют немалых размеров, так сам видел, каков фундамент, сколько мы на пепелище том золы перелопатили вперемешку с бревёшками полусгоревшими.

Иван Тимофеевич тоже вставил несколько слов:

– Теперешние хозяева не меньше на ветер средств бросают.

– Э-э-э, болезный, не скажи. – Старцев по-свойски похлопал по плечу лежащего егеря. – Те купчики избушки не для забавы строили, а чтобы старатели да охотники в них обитали после тяжёлого трудового дня. Для забав у них свои дворцы были. Взять того же Вильнера, с его «Зимним дворцом». Мало он там кутежей и балов устраивал? И ведь что характерно, даже «елистричество» туда провёл.

– Я и говорю, – накогтился физрук, – эксплуататоры. Людям конуры для жилья, считай, по полгода в этих зимовьях жили, а себе... да возьмите тот же Магинск. В нём до сих пор кирпичное жильё – это купеческие хоромины. Теперь почти во всех госучреждения и школы, возьми хоть десятую, хоть четвёртую – купчихи Беловой строение, на площади, где музей.

– Ругали царский режим, а в Магинске и здания кирпичные после него остались и музей. Говорят, что на Парижской выставке музейная экспозиция «Золотую медаль» получила. Юрту местных аборигенов представили, один к одному, а в ней целое семейство.

– Чем это оно отличилось? – равнодушно зевнул физрук.

– Да уж отличилось, быт коренных жителей, енисейских киргизов, отражало: старуха с молодой пригорюнились над зыбкой с ребёнком, а шаман в бубен над ними бьёт, болезнь из младенца изгоняет, а на переднем плане в той юрте самогонный аппарат.

– Пробовал я ихнюю араку, слабовата по сравнению с нашим первачком. – Николай Алексеевич даже языком прищёлкнул. – Всего одиннадцать градусов крепости, захочешь – не сопьёшься.

– То-то у енисейских татар гена супротив пьянства нет.

– Нет, вот и плохо, хмелеют быстро...

– Давайте спать. – Иван Тимофеевич перевернулся на бок. – А то завтра вас не добудишься, таких учёных.

Через несколько минут Иван Тимофеевич и физрук задавали храпака, а Старцеву припомнилась такая же ночёвка в одном из колхозных отделений, куда занесла его корреспондентская судьба. После завершения своих дел машина за ним должна была прибыть только на следующее утро, и он решил побродить по окрестностям бригады. Осенние красоты, один пейзаж лучше другого, незаметно увели его далеко от деревни. На крутом косогоре подбирали последние овсы: два надсадно урчащих гусеничных трактора вытягивали в гору старенький, допотопный комбайн. «Эй!» – крикнул любопытствующий корреспондент, и комбайнёр,

заметив его, молча махнул рукой, приглашая к себе. Старцев без труда догнал стрекочущую махину и взобрался к комбайнёру на мостик. Железный агрегат плавно раскачивало, лёгкая дрожь мотора передавалась телу, незнакомо и остро пахло разогретым маслом, зерном, соломой. Вскоре выехали на гребень холма, и перед ними открылась такая ширь уже вечеряющих просторов, что Герман совсем по-иному ощутил тоску пролетающих птичьих стай, оставляющих милый край в такой синий волнительный час. Быстро темнело, и трактористы включили фары. В прыгающих лучах света дымилась потревоженная земля, мелькали белые мотыльки овсяной половы, плыл розоватый дымок отработанных газов. Легко и празднично было на душе, куда-то в сторону отступили прежние городские неурядицы, суматошная неразбериха редакционных планёрок, забылись мелочные обиды, разочарования серых буден. Из-за холма выкатилась спелая луна и осветила округу. Сразу заметно поблекли блестевшие до этого уже по-зимнему звёзды, ярче забелели стволы берёз на краю поля, и жидкие, примятые дождями валки овса стали похожими на длинные полотенца. Только трактора ещё больше почернели, и неказистый на вид комбайнишко, давно отслуживший в других местах, вдруг преобразился, стал похож на гигантское, почти космическое, сооружение из стальных прокопчённых кубов, цилиндров и рукавов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.